

ВВЕДЕНИЕ

Отношение человека к миру концептуально. Существует множество мировоззренческих учений: мифологических, религиозных, философских, идеологических, житейских. Каждое из них в свою очередь делится на различные направления, школы и конкретные представления. Так, христианское мироучение включает в себя православие, католицизм, протестантизм; философия подразделяется на ряд направлений: материализм, идеализм, рационализм, сенсуализм, эмпиризм, прагматизм, скептицизм, иррационализм и т.д.; идеологические построения могут быть расистскими, националистическими, коммунистическими, "ура"-патриотическими и пр. Каждое учение претендует на известную "правильность" и предлагает человеку определенным образом строить отношение к миру, дает свое решение жизненно важных проблем, свою интерпретацию происходящих событий.

Обилие мировоззренческих систем обуславливается неопределенностью, непредсказуемостью и альтернативностью развития общества и индивида, что исключает их заведомую правильность. Ценность каждого учения определяется прежде всего тем, в какой мере оно способствует самосовершенствованию личности, помогает человеку оставаться (или становиться) человеком. В этом отношении мировоззренческие учения неравнозначны. Одни сеют национальную или классовую рознь и ненависть, другие учат добру, красоте, мудрости.

Предлагаемое учебное пособие может помочь студенту как человеку, вступающему в активную и ответственную полосу жизни, разобраться в сложном мире мировоззренческих учений и понять преимущества философского мировоззрения перед мифологическим, религиозным, идеологическим и житейским. Усвоение философского мировоззрения дает молодому человеку возможность определить свое место и роль в обществе и более или менее удовлетворительно решить основную жизненную задачу – прожить жизнь достойно, полноценно, творчески, осмысленно, свободно и счастливо.

Сущность мировоззрения

Формирование и развитие рода человеческого, рода *Homo sapiens* есть развитие от несвободы к свободе, от животного и полуживотного существования к подлинно человеческой жизни. Обретение свободы - величайшее благо для человека, необходимое условие прогресса, его смысл и цель. Но одновременно она приносит массу неудобств, за нее приходится платить, и иногда очень дорого. Изгнание из библейского рая Адама и Евы можно интерпретировать как отлучение от сытной и безмятежной несвободы к тягостям и проблемам свободной жизни. Вступив на путь свободы, человек взвалил на свои плечи тяжелую ношу постоянной ситуации выбора, которой нет ни у кого из представителей живой природы на Земле. Но не только ситуация выбора как отсутствие однозначности и жесткой программируемости омрачает существование человека. Как существо мыслящее, активно действующее он постоянно стремится к неограниченной свободе, к максимальному проявлению своей жизненной энергии и творческой деятельности. Но в этом его стремлении к абсолютной свободе он каждый раз "натывается" на неумолимую необходимость и "бездушную" закономерность внешнего мира. И каждый раз, когда человек пытается прорваться "за флажки", эта суровая реальность "одергивает" его, "ставит" его на место. Вынуждаемый внешними обстоятельствами смирять свои свободололюбивые поползновения, человек мучительно пытался и пытается до сих пор понять этот окружающий его жесткий мир, пытается определить меру своих сил, на которые он может рассчитывать в своей борьбе за свободу, в конце концов, определить меру самой свободы, которая, как он ни старается, не становится безграничной.

Среда, в которой изначально существует человек, двойственна. С одной стороны - это природа, реальность чуждая, даже жестокая и враждебная. Выйдя из природы, противопоставив себя ей, человек вынужден действовать, вести себя так, чтобы это противопоставление не привело его к гибели. С другой стороны – более близкий и, казалось бы, более понятный мир: коллектив, социум. Но этот мир тоже достаточно суров, для него превыше всего интересы коллектива, а не индивида, а групповой инстинкт самосохранения оказывается сильнее индивидуального. Социальный мир, объединяя силы, знания, опыт индивидов, защищает их от мира природного, не позволяя им погибнуть поодиночке, но в то же время он весьма требователен к тем, кто не желает поступиться собственными интересами ради интересов коллектива. В противном случае он отторгает индивида: во все времена это являлось жестоким наказанием, а в древности просто приводило к смерти отщепенца. Следовательно, и к этому миру необходимо приспосабливаться, соизмерять свои порывы с волей коллектива.

Таким образом, чтобы выжить, человеку было необходимо гармонизировать свои отношения с окружающей его многоликой реальностью. Для разумного существа эта задача выражалась в

необходимости понять, познать, что из себя представляет мир, в котором ему приходится жить, что есть сам человек и, соответственно, каково то место, которое он занимает (или может, должен занять) в этом мире, а также, что он может и должен делать.

Прежде, чем приступить к рассмотрению того, как человек решал эту задачу на протяжении истории, отметим следующее. Освоение субъектом окружающего мира осуществляется в трех основных формах: 1) как материально-практическое: преодоление чуждости мира преобразованием его в процессе труда или социальной деятельности; 2) как духовно-практическое: преодоление чуждости мира, внешних сил, которые господствуют над человеком, в воображении, в сознании, в мышлении (выработка в сознании способов и средств преобразования мира); 3) как теоретическое: познание закономерностей природы и общества, познание самого человека, его сущности (разумеется, к древним временам понятие "теоретическое" применимо с известной долей условности, т.к. теоретический уровень познания – продукт достаточно высокой ступени развития человечества).

Но вернемся к нашему Человеку, находящемуся на ранней стадии своего – уже человеческого – существования. Думается, не слишком сложно представить себе состояние первобытных людей, вынуждаемых заботой о пропитании покидать обжитые, согретье огнем костра и по меркам того времени достаточно уютные пещеры, как нетрудно представить и тот мир, который ждал их за стенами пещеры: дикая первобытная природа, чудовищного вида и размера животные, природные катаклизмы... И все это загадочно, чуждо и даже враждебно. Короче, неуютно было человеку в этом мире. И он сделал первый великий шаг на пути освоения Неведомого.

Что делает каждый из нас, попадая в незнакомую обстановку? Мы, часто неосознанно, ищем то, на что можно "опереться", создать психический комфорт. Например, оказываясь в помещении, где много посторонних людей, или необычна ситуация, или непривычна обстановка, мы тут же машинально ищем знакомые лица или привычную предметность, и если находим, то нам легче переносить ситуацию, даже если мы не подходим к знакомым, или обстановка только напоминает привычную нам, т.е. мы преодолевали чуждость ситуации, опираясь на прошлый опыт, на воображение, на способность выдавать желаемое за действительное.

Видимо, так же начали поступать и первобытные люди. Они стали "обустраивать" этот мир, внося в него привычность силой своего сознания, своей фантазии, тем самым преодолевая его чуждость. Они населили мир различными фантастическими существами, персонифицируя в них, олицетворяя ими различные события и процессы, происходящие в природе (кстати, подобные операции можно наблюдать у детей, мир которых полон различными буками и бяками, бабайками и барабашками, страшноватыми, но одушевленными, через которых проще взаимодействовать с окружающими). Так реальность, в которой жил человек, стала заселяться различными богами и божками, симпатичными и не очень: лешими и русалками, троллями и гномами, домовыми и кикиморами. Каждое из этих существ было как бы "ответственно" за определенный участок, за определенную часть действительности, за процессы, происходящие в ней. А с этими существами, как представлялось первобытному человеку, можно было поговорить и договориться, их можно было умилостивить, а при случае, и посоперничать с ними. Так возникла исторически первая попытка духовно-практического освоения мира - многобожие или язычество. В персонификации, одушевлении природы проявилась одна из важнейших черт человеческого сознания - способность к метафоризации действительности. Метафора - это сопоставление различных сторон действительности, различных предметов и явлений, имеющих разную природу, несхожих и внешне, и внутренне и перенос значения с одной стороны на другую. Например, "стальные нервы", "мягкое сердце", "очарованный кварк" и т.д. Олицетворение и персонификация - частные случаи метафоры. Такой перенос значений и характеристик с одного на другое возможен только благодаря какому-то глубинному основанию, какому-то глубинному смыслу, не явленному, но который позволяет сопоставить, казалось бы, несопоставимое, соединить, казалось бы, несоединимое.

Глубинным основанием для метафоризации мира является изначальная, незыблемая убежденность в единстве мира, в генетическом родстве социума и природы. Откуда взялась эта убежденность: генетическая ли это память, привнесено ли это извне, но факт остается фактом, человек знал, что мир един. И это позволяло ему переносить на природу то, что он наблюдал в коллективе, черпал из него. Возникла совершенно новая реальность – мир, в котором пришлось жить человеку, становился Миром Человека, он подгонялся людьми под себя в процессе труда и в сознании, субъективировался. На объективную реальность накладывался образ ее, существующий в человеческом сознании, природа становилась слепком социума.

Язычество стало первым этапом конструирования нового мира. Эта новая реальность была еще неупорядочена, что соответствовало неупорядоченности общественных отношений: еще только формировалась социальная иерархия, социальный опыт был весьма ограничен, еще впереди были представления о должном социальном устройстве. По сути, язычество представляло довольно полную копию довольно беспорядочной социальной жизни первобытных людей.

Но шло время, и менялись представления людей об окружающем мире. В основе этого лежали две основные причины. Во-первых, немногочисленное человечество, отчаянно борясь за существование,

внутренне менялось: совершенствовалась социальная иерархия, вырабатывались определенные нормы поведения, взаимоотношений между людьми, соплеменниками, формировалась система социальных запретов (табу). Например, в ходе эволюции общества был выработан запрет на кровосмешение. Существовали табу и по отношению к природе. Например, по отношению к тотемным животным (т.е. к тем, от которых по преданию произошло то или иное племя). Охота на таких животных была разрешена только в критических ситуациях, и то при соблюдении определенных норм. Эти запреты подчиняли интересы отдельных индивидов интересам коллектива (рода, племени).

Во-вторых, человеческая психика устроена так, что хаос, неупорядоченность объекта не только не может быть познана, но и вообще плохо воспринимается даже на чувственном уровне. И чтобы сделать еще один шаг на пути духовно-практического освоения мира, необходимо было его упорядочить. Так в человеческих представлениях об окружающей действительности Хаос уступает место Порядку. А порядок - это система, взаимосвязь, причинно-следственные связи.

В силу отмеченных причин, на языческом фундаменте начинает формироваться исторически первая форма мировоззрения – миф. Миф похож и не похож на языческие представления о мире. Как и язычество, миф – это совокупность чувственно наглядных представлений, как и в язычестве, в мифе мир не анализируется, а переживается. Миф перенял у язычества еще кое-что, причем, весьма существенное, то, что, в свою очередь, передал дальше как эстафету другим формам духовно-практического освоения мира – принцип единства мира. Причем, единство в мифе понималось буквально, абсолютно. Земля и Небо не противопоставлялись друг другу, а взаимопроникали друг в друга, являлись продолжением друг друга. Люди были убеждены в том, например, что после смерти охотник просто уходит на Небо, в другой и в то же время подобный мир, где есть леса, полные дичи, луга, на которых пасутся стада животных. И в соответствии с этими убеждениями они снаряжали умершего в дальнюю дорогу, снабдив всем необходимым для охоты или труда. Боги, олицетворявшие иной мир, частенько появлялись среди людей, вмешивались в их дела (в Троянской войне боги участвовали и на стороне ахейцев, и на стороне троянцев, и, что самое интересное, греки видели их в своих рядах). И люди могли наведываться в мир богов (вспомнить, хотя бы, путешествие Геракла в царство теней). Миф перенял у язычества и многобожие, хотя населенность мифа менее плотна, нежели в языческих верованиях.

Но, в то же время, миф существенно отличается от язычества как внешне, так и внутренне. Внешне, можно сказать, мир в мифе более цивилизован, приятен. Мифические боги – человекоподобные боги, в мифе гораздо меньше всяких чудищ. Вообще, миф, в отличие от язычества, антропоморфен. Боги мифов не только внешне похожи на людей, но и ведут себя как люди. Они ссорятся и мирятся, они любят и изменяют, они великодушны, но способны и на подлость, предательство, они рожают детей (в греческом мифе даже Зевс испытал родовые муки), любят подарки (первоначально в виде весьма негуманных жертв, что, впрочем, соответствовало нравам той далекой эпохи), они делятся на плохих и хороших. Мир богов иерархичен, со своей табелью о рангах, словом, мир как Универсум, как целостное мироздание оказывается отражением социального мира.

Второе отличие мифа от языческих представлений – это отличие в сущности. Мир в мифе представляет собой систему, упорядоченность, это взаимосвязанный мир. Мифические боги не просто олицетворяли те или иные явления действительности, они находились друг с другом в сложных отношениях. В отношениях между богами человек мифологической эпохи фиксировал "нащупанные" им в опыте причинно-следственные связи. Да, в этих связях еще неотделимы сущность и явление, да, сами эти связи устанавливались по принципу "после этого - значит, вследствие этого". Но миф - это не просто преодоление чуждости мира, это попытка проникновения в самую сущность его.

Возникновение мифа означает и новый этап в самоопределении человека. Это уже не забитое существо. Конечно, боги правят миром и людьми, но человек уже встал вровень с богами, он бросает им вызов. Он отвоевал себе площадь Свободы. Он может перехитрить богинь судьбы, саму смерть, боги отступают перед проявлением человеческой любви и верности. Именно мифологическое представление о Человеке породило философское: "Человек есть мера всех вещей". В мифологии человек выступает в качестве главного действующего лица. Но и мир в мифе – не просто бесстрастная реальность, неизбежная данность, а довольно активная сила, влияющая на человеческое существование. В драме человеческого бытия мир не пассивен, в отношениях с человеком он является и объектом, и субъектом, так же, как и сам человек.

В мифе явно проступает пристрастное отношение человека к реальности, его окружающей. Мифологическое мировоззрение – это оценочное восприятие действительности с позиций добра и зла. Данность мира как такового уже не может удовлетворить почувствовавшего свою силу героя мифа. Мир не может быть таким, каков он есть, он должен стать таким, каким он нужен человеку. Таким образом, отношение субъекта к миру оказывается не только познавательным, но и нормативным. В мифе впервые социальное устройство освящается Небом. Здесь как бы происходит "оборачивание" метафоры. Конструируя в сознании новый мир в соответствии с принципами и правилами социального устройства, человек затем переносит на общество то, что ранее он уже приписал (или предписал) Универсуму, но в общество это предписание возвращается уже как общемировой принцип. В этом просматривается та

сверхзадача, ради которой, явно или неявно, все делается в мире людей - сохранение, выживание человека, коллектива, человечества. Чтобы выжить, люди должны в достаточной степени одинаково вести себя как в человеческой сообществе, так и в отношении природы, т.е. одновременно с духовным освоением мира и вследствие этого формируется система норм, регуляторов человеческого поведения и отношения к миру. Таким образом, мировоззрение как система представлений о мире и система поведенческих стереотипов становится необходимым условием существования сообщества людей.

Поскольку мифология является исторически первой формой собственно мировоззрения, на ее примере можно выделить основные признаки, черты, присущие любому мировоззрению.

1. В основе мировоззрения лежит принцип единства мира, глубокого родства различных его сторон, что позволяет распространять знания, представления об одной из сторон действительности на другие ее стороны.

2. Мировоззрение – это система представлений (знаний) об окружающей человека действительности, системность мира отражается в системе знаний.

3. Мировоззрение – это не только система представлений о мире, но и система норм и правил поведения людей по отношению друг к другу и к окружающему миру, единых для определенного сообщества.

4. Мировоззрение максимально субъективировано, это представление человека о мире человека, об очеловеченном мире.

5. Пересечение познавательной и нормативной координат мировоззрения образует суть, смысл мировоззрения – определение места и роли человека в Универсуме, смысла человеческой жизни. Именно здесь мы имеем дело с двумя из четырех знаменитых вопросов Канта: "Что я могу знать?" и "Что я должен делать?", за которыми стоит коренная человеческая проблема - проблема свободы: насколько свободен человек деятельный и человек познающий.

Мировоззрение есть результат коллективного творчества людей. Это следует из того, что, во-первых, отдельному человеку просто не под силу выработать систему представлений о мире как Универсуме, опираясь на собственный личный жизненный опыт, который крайне ограничен как временем жизни индивида, так и рамками производственной и социальной деятельности. Во-вторых, мировоззрение - это не только и не столько знания о мире, на основе этих знаний строится некий стереотип поведения, отношения к действительности, обязательный для подавляющего числа членов (в идеале – для каждого члена) данного сообщества. Поэтому мировоззренческая система вырабатывается коллективом ради собственных интересов, не совпадающих с интересами отдельных людей, и навязывается каждому. Поэтому для каждого индивида мировоззрение – это данность, с которой каждый член социума должен считаться.

Отсюда следует, что в строгом смысле нельзя говорить о каком-то индивидуально выработанном мировоззрении. У отдельно взятого человека, в лучшем случае, формируется некое мировосприятие, т.е. более или менее цельный образ ближайшего ему природного и социального мира, ближнего окружения. Мировосприятие, в основном, базируется на личном опыте индивида, хотя, разумеется, и опыт человечества, в той или иной мере, не чужд ему. Чаще же индивид остается на уровне мироощущения, более эмоционального, чем рациональное отношение к действительности. К слову, в силу отмеченных причин, язычество еще не может быть отнесено к мировоззрению, слишком скуден был исторический опыт древних людей, слабо развито было абстрактно-логическое мышление, слишком узок был мир первобытного племени. Язычество - это, скорее всего, коллективное мировосприятие, не развившееся до мировоззрения, но из которого выросла мифология. Различные типы коллективного мировосприятия существовали всегда и существуют до сих пор, обеспечивая повседневное существование различных социальных групп даже в высокоразвитых и просвещенных обществах.

В процессе социализации, т.е. приобщения индивида к господствующему в социуме мировоззрению, личностное отношение к миру испытывает колоссальное давление официоза. Общество формирует духовный мир личности в необходимом ему (обществу) направлении и качестве. Способы же этого формирования выработаны человечеством самые разные: от просвещения и воспитания, до "промывания" мозгов и наказания. Конечно, человек как существо свободное может не соглашаться с господствующим и навязываемым ему мировоззрением, его личные взгляды и представления могут не совпадать с общепринятыми представлениями. Тогда он примыкает к той социальной группе, чьи ценностные ориентации и нормативные установки ему близки. Или, что гораздо реже встречается, начинает трудную работу по выработке нового мировоззрения.

Нередко мировоззрение трактуется как некая картина мира, создаваемая человеком, которую ему необходимо держать перед глазами как путеводитель по жизни. Образ не совсем точный, картина предполагает наличие зрителя, стороннего наблюдателя. Человек же - создатель и участник, главное действующее лицо мировоззрения. В мировоззрении человек "встраивает" себя в мир, создает в своем сознании цельную конструкцию мира, строит мироздание (более точный образ, чем картина мира, лучше выражающий суть мировоззрения), где все части необходимы друг другу, точно пригнаны, где каждому явлению отведено свое место. Вся эта цельная конструкция покоится на определенном фундаменте,

который придает устойчивость всей конструкции. Этот фундамент – основные принципы бытия, которые приходится искать, опускаясь в основание мира, чтобы мировоззренческая система не была противоречивой. Все населявшее это здание как в хорошей коммунальной квартире вынуждено было подчиняться определенным правилам поведения, четко расписанным и принятым для неукоснительного выполнения. И становилось более или менее понятно, как жить, что делать*.

Понятие "картина мира" искажает смысл понятия "мировоззрение" еще и потому, что мировоззрение только тогда выполняет свои функции, когда мироощущение или мировосприятие индивида конгениально, созвучно мировоззрению коллектива. Тогда мировоззрение становится частью интимной духовной жизни человека. Когда же такого созвучия нет, индивид отвергает коллективные представления о мироустройстве. А картина мира, путеводитель по жизни никогда не смогут стать элементом, составной частью духовного мира личности.

В основе мировоззрения лежит аккумулированный опыт человечества или определенной социальной группы. Мифология основывалась на коллективном опыте тех или иных древних народов, но этот опыт был весьма ограниченным: жизненное пространство каждого народа (ойкумена) было невелико, не существовало широких связей между племенами (т.е. различные сообщества людей существовали в определенной изоляции друг от друга), историческая память охватывала достаточно короткий отрезок человеческого существования, закрепляясь лишь в устной традиции (до возникновения письменности). Мышление еще только начинало рационализироваться. Но неуклонное развитие человечества неминуемо вело к разрушению мифологии. Расширялись и укреплялись связи между народами, возникновение письменности раздвигало границы исторической памяти, развивался и совершенствовался интеллект.

Интеллектуализация человеческого существования, роль разума в жизнедеятельности индивида и коллектива все более привлекали внимание к проблеме духа. Мир, в котором живет человек, перестает быть двойственным, он начинает утраиваться, к природной и социальной среде присоединяется среда духовная. В мифологии не было места духу, миф вещественен, мир в мифе - чувственная данность. Для более сложного мира необходима стала иная система описания бытия. Мироздание получило в сознании людей не только фундамент и стены, но и кровлю. Происходит отделение Неба от Земли, Небо становится обиталищем духа. И на смену мифологии приходят иные мировоззренческие системы.

Можно выделить три основные исторические формы, три типа мировоззрения: уже рассмотренное мифологическое, религиозное и философское. Их возникновение и развитие основывается на практическом опыте человечества и связано с развитием человеческого сознания, мышления. Это развитие – от чувственного к рациональному, от наглядно-образного, эйдетического мышления к мышлению абстрактно-логическому. Мифология представляет собой, в основном, чувственно-эмоциональное отношение к миру, религиозное мировоззрение – преимущественно чувственно-рациональное. Философское мировоззрение максимально рационализировано, это осмысление главных мировоззренческих проблем на понятийном уровне.

В настоящее время часто используется понятие "научное мировоззрение". Правомерно ли выделение еще одного типа мировоззрения и что понимать под ним? Если это научная картина мира, основанная на научных данных, то считать ее еще одним типом мировоззрения – значит размывать смысл этого понятия. Во-первых, мировоззрение – это не свод объективных научных знаний. Во-вторых, в научных картинах мира человек или "выводится за скобки", или является объектом исследования. Мировоззрение, как мы уже отмечали, необходимо субъективно, субъективность – "проклятие" мировоззрения. Это именно человеческое отношение к очеловеченному миру. По большому счету, мировоззрение мало интересует, из кварков или лептонов состоит физическая реальность.

Если речь идет просто о том, что современное мировоззрение должно опираться на данные наук, то это достаточно тривиально. Философское мировоззрение всегда опиралось на современные ему научные результаты, более того, когда-то философия и была единственной формой существования научного знания. Это, кстати, относится ко всем философским направлениям. Даже религия в наш онаученный век не может не учитывать научные факты (примером тому может служить, допустим, религиозная и научная деятельность французского теолога и ученого-палеонтолога Тейяра де Шардена). В таком случае понятие "научное мировоззрение" только вносит путаницу, ничего не добавляя в содержание понятия "мировоззрение".

Существует еще одно понятие – "обыденное мировоззрение". На самом деле то, что называют обыденным мировоззрением есть на самом деле мировосприятие, основанное или на повседневном опыте обывателя (не берем это слово в оценочном смысле), или профессиональном опыте. Несмотря на узость и ограниченность такого опыта, это мировосприятие обеспечивает повседневную жизнедеятельность людей и имеет важное значение для существования тех или иных социальных или профессиональных групп. Но беда, когда такое мировосприятие пытается выйти за собственные рамки и навязаться социуму в качестве мировоззрения единственного и непререкаемого, с претензией на общезначимость. Тогда появляются такие "мировоззрения" как: технократическое, бюрократическое, сциентистское и т.п. Но, как мы отмечали выше, мировоззрение - это нормативное знание об Универсуме. В обыденном "мировоззрении" нет этого

Универсума, а есть лишь какая-то его часть.

Выделенным нами ранее чертам или критериям соответствуют именно три названных типа мировоззрения: мифологическое, религиозное и философское.

Религиозное мировоззрение возникает тогда, когда человечество осознало, что в этом мире не все зависит от физических возможностей, что силой духа, мышлением можно добиться большего, нежели грубой физической силой. Мифологический культ тела уступает место религиозному культу духа. Но выделившись в качестве особой реальности дух, душа, сознание породили и философское мировоззрение, которое внешне часто похоже на религиозное. И то, и другое в качестве исходных посылок берут эмпирически абсолютно недоказуемые постулаты. И религия, и философия часто используют одни и те же понятия. Различаются же они как по способам отражения мира в сознании человека (религия представляет свое содержание в чувственно-рациональной форме, философия – в форме абстрактно-логических построений), так и по собственным основаниям. Религиозное мировоззрение – это обобщение, резюме духовного опыта человечества, а через него – и других форм опыта. Но прежде всего и в качестве единственной основы – опыт и искания духа. Философское мировоззрение – это обобщение и резюме совокупного опыта человечества: производственного, социального, духовного.

Как и любое мировоззрение – философское тоже обладает тенденцией к стереотипизации представлений о мире и поведении, к общезначимости. Но его природа внутренне противоречива. Философское мировоззрение противопоставляет себя всем иным способам описания мира, различным формам идеологии и частным картинам мира. И для этого есть основания, так как в основе философского мировоззрения лежит совокупный опыт человечества, причем речь идет об опыте не только ныне живущих, но и об опыте всех предшествующих поколений. Все в истории человечества так или иначе актуально, имеет непреходящее значение, ибо всегда будут актуальны проблемы смысла жизни, добра и зла, гармонии человека с окружающим миром. Но опыт различных народов, не говоря уже о различных поколениях, не совпадает. Противоречивость исторического опыта, с одной стороны, и стремление к максимальной полноте своих построений, к общезначимости постоянно "взрывают" изнутри философское мировоззрение.

Сама философия не обладает общезначимостью в том смысле, который мы вкладываем в понимание общезначимости результатов наук. Дело в том, что реально о "философии" мы можем говорить только в том же смысле, который мы вкладываем, например, в понятие "литература". Реальное же явление, называемое "литературой", – это многообразие жанров, несчетное количество уникальных произведений. Но, что интересно: специалисты-филологи говорят, что в самих авангардных произведениях литературы нет сюжетов, которые бы уже не встречались в Библии. Так и в философии. Набор "вечных" проблем достаточно ограничен: смысл человеческого бытия, проблема добра и зла, блага и т.д., но сколько разных философских теорий, учений, систем.

Философия всегда обусловлена уровнем развития общества и личностью философа. Любая философская система, любая философская школа несет на себе отпечаток личности своего создателя, своего основателя, и отпечаток своего времени (его проблем). И, если считать справедливым утверждение, что каждый человек в какой-то степени философ, то "философия" такого каждого человека – это взгляд личности на личные проблемы, осмысление личных проблем. Философия же как особая форма знания – это осмысление личностью (чаще всего профессионалом-философом) общих проблем (или проблем актуальных для общества). Та или иная философская система (или несколько подобных) берется обществом за основу, и на ее фундаменте строится нормативная система. Таким образом, философское мировоззрение можно определить как осмысление обществом общих проблем.

Любая проблема имеет несколько вариантов решения, выбор одного из них означает критику других вариантов, отбрасывание их. Философия начинается там, где есть рефлексия, где выясняются причины проблем. Мышление пытается понять, что есть мышление, человек пытается понять, что есть человек. И философское мировоззрение всегда рефлексивно, т.е. оно делает предметом анализа и само себя, свои основания. Если для других типов мировоззрения мир только лишь констатируется ("так есть"), то для философского мировоззрения мир – проблема ("почему так есть?" и "есть ли так на самом деле?"). В этом принципиальное отличие философского мировоззрения от религиозного, для которого: "Я не стремлюсь понять, чтобы уверовать, но верую, чтобы понять" (Ансельм Кентерберийский), т.е. в самой основе философского мировоззрения лежит сомнение, но сомнение созидательное, подвигающее его к постоянному саморазвитию и заставляющее человека искать новые пути собственного развития. Понятно, что это делает философское мировоззрение весьма неудобным, приходится постоянно думать, самостоятельно анализировать, а это некомфортно. Проще верить кумирам, следовать готовым рецептам. Но важно помнить, что только сомневающийся человек никогда не позволит загнать себя в тупик несвободы.

И последнее, что можно отнести к специфике философского мировоззрения. Оно всегда так или иначе опирается на факты науки, и поэтому стремится к точности и объективности, но оно не может не учитывать того момента, что мы в своих мировоззренческих построениях не можем "выйти из себя", преодолеть свою субъективность в восприятии мира, посмотреть на себя со стороны. Поэтому

субъективность философского мировоззрения как бы задается, сознательно кладется в его основы, но одновременно изучается, учитывается и, тем самым, преодолевается. Сознательная субъективность философского мировоззрения, в конечном счете, ведет к более полному (не всегда более точному, в смысле детального описания конкретных событий – масштабное знание всегда менее точно, чем конкретное), более достоверному и, тем самым, более объективному знанию о мире и способствует более адекватному, гармоничному "вписыванию" человека в действительность.

Резюмируем сказанное. В своем историческом развитии человечество выработало несколько основных форм духовно-практического освоения мира – мировоззрения. Они изменяются, переходят от одной эпохи к другой, порождают промежуточные и симбиозные формы: религиозно-мифологические, философско-религиозные. Более того, в силу самых разных причин, та или иная форма мировоззрения как бы "вырождается", "сжимается". Так, например, успехи естественных наук оттеснили мифологию в социальную сферу, наименее, как это ни покажется странным, познаваемую и освоенную. Социальная мифология как чувственное представление социального мира, как неумение отделить явление от сущности, как персонификация и олицетворение социальных явлений, как ощущение субъектом своей несвободы прекрасно существует даже в самых просвещенных обществах.

Но изменяясь, развиваясь, мировоззрение всегда остается способом самоопределения, самопознания, самосознания общества. В отличие от других форм и способов познания и освоения мира мировоззрение – это взгляд на мир через призму интересов, желаний, ценностей общества, это пристрастное отношение Человека к Миру человека.

Поиски оснований бытия

Отношение человека к миру изначально не запрограммировано. В отличие от животных, поисково-ориентировочная деятельность которых закрепляется наследственно, человек свободен выбирать ту или иную линию поведения по отношению к другим людям (в семье, трудовом коллективе, учебной группе, в случайной группе - попутчикам в трамвае, автобусе, электричке, представителям другой социальной группы, класса, политической партии, национальности, гражданам другого государства и т.д.), а также волен по-разному относиться к природной среде. Он может делать добро или творить зло, может выступить против своего собственного существования как живого существа и покончить жизнь самоубийством, что животному запрещает делать биологический инстинкт; может перед лицом опасности спрятаться "в кусты" или мужественно принять смерть во имя процветания рода, нации, Родины; один укрепляет свое власть силою кулака, другой силою мудрости, один насаждает в подвластных ему людях культ своей личности, другому отвратительно любое его прославление. Диапазон выбора путей деятельности поистине безграничен. Человек может пытаться реализовать и реальные замыслы, и фантастические. История человеческого общества полна примерами того и другого. Недавняя попытка большевиков полномасштабного осуществления в нашей стране коммунистической идеи и сегодняшняя демократическая перестройка хозяйственной и политической жизни – убедительное тому свидетельство.

Далеко не каждый человек способен осознанно выбрать определенную линию своего отношения к людям и обосновать для самого себя сделанный выбор, ответить на вопрос, что им двигало, что он взял за отправную точку, совершая те или иные действия и поступки. Им могут двигать либо кипение мутных эмоций и слепых страстей, идущих из глубин его подсознания, либо расхожие представления о добре и зле, равенстве и справедливости, бытующие в его социальной группе, которые он принимает на веру, не задумываясь над их происхождением, назначением, возможной полнотой осуществления, не сравнивая их с подобными представлениями, имеющими хождение в других социальных группах. Они представляются ему абсолютно верными, не подлежащими анализу и критическому осмыслению. Человек, не задумывающийся о первопричинах, исходных началах своих действий, не обосновывающий своей линии поведения, ведет по сути дела муравьиноподобный образ жизни. Такие люди легко становятся объектом манипуляции со стороны различного рода авантюристов и прожектеров.

При достижении человеком определенного уровня интеллектуальной зрелости, которая характеризуется появлением способности и потребности к постоянному критическому анализу собственного сознания и сравнению его с достигнутым уровнем зрелости чужого сознания, он начинает выделять себя из массы себе подобных, видеть себя как бы со стороны и осознавать себя самостоятельной личностью.

С этого момента каждое его действие и поступок сопровождаются вопросом: почему я поступаю так, а не иначе, почему выбрал такую, а не другую линию поведения, что положил в основу выбранной линии поведения, что представляет эта основа, какова ее природа, почему другие люди выбирают другие основания жизни. Появившаяся у человека способность задавать себе такие вопросы есть свидетельство его зрелости как личности. Быть личностью, значит обладать определенным мировоззрением. Мировоззрение – это своего рода маяк, дающий человеку возможность не заблудиться в бурном водовороте жизни.

Определить свое отношение к миру и найти себя в этом мире – задача парадоксальная, не имеющая окончательного решения. Она относится к числу так называемых "мировых загадок". Писатель Владимир Войнович придал этой загадке форму некоего замысла Божьего: "Бог наделяет любого человека какими-то свойствами и делает это в виде загадки, которую человек должен разгадать, чтобы раскрыть эти заложенные свойства полностью и состояться как личность. Многие люди и не пытаются, и все загадки носят в себе просто так. Как зерно, которое так и не попало ни на жернов, ни в почву. А просто сгнило". Тем, кто пытается разгадать названную загадку, к кому Бог оказался милостивым и допустил их до интеллектуальной зрелости, на помощь приходит философия, которая специально занимается решением мировоззренческих проблем.

Философия возникает на том этапе исторического развития общества, когда человек выделяет себя из числа других живых существ, осознает себя существом особым, способным не только приспособливаться к окружающей природной и социальной среде, но и изменять их, чтобы полнее удовлетворять свои разбуженные и пришедшие в движение материальные и духовные потребности. С тех отдаленных времен и по настоящий день философия осуществляет поиск оснований бытия и деятельности, опираясь на которые человек мог бы обеспечить относительную гармонию между собой и миром по всему диапазону их взаимодействия (общество и природа, личность и коллектив, гражданин и государство и т.д.), и тем самым сделать свою жизнь полноценной, счастливой и обеспеченной. Однако, ожидания установления указанной гармонии на более или менее длительный период оказываются иллюзорными. На смену гармонии приходит дисгармония со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями: экономическая депрессия, политическая неустойчивость, войны, национальная рознь, голод и пр. беды. Факт утраты гармонии – мощный стимул для поиска новых оснований бытия и построения на их фундаменте новых мировоззренческих систем.

Жизнь общества не является беспроблемной. Проблем – неисчислимый рой. Есть среди них глобальные проблемы, затрагивающие жизнь каждого человека планеты, – экологические, демографические, военные. Есть среди них региональные проблемы: экономические, политические, нравственные, национальные и др. Есть среди них и проблемы личного характера, которые приходится решать каждому человеку в индивидуальном порядке.

Не следует думать, что жизнь людей в прошлом была беспроблемной или что количество проблем раньше было меньше, чем в XX веке. Их всегда было достаточно, и они всегда были остры. Перед людьми прошлых поколений, как и нынешних, возникали примерно одинаковые вопросы: что лежит в основе жизни человека, от чего зависит деятельность людей, где искать истоки стабильности и дестабильности, причины подъемов и спадов в общественном развитии? Существует ли какое-то одно определяющее начало или их множество, являются ли они природными или надприродными (божественными), экономическими или политическими, правовыми или нравственными?

История философии есть история поиска оснований бытия. Одни мыслители брали за начало материю в разных ее модификациях: воду (Фалес), воздух (Анаксимен), огонь (Гераклит), атомы (Демокрит), материю как объективную реальность (Ленин), экономические отношения (Маркс). Другие – духовный фактор: либо как мировой дух, либо как сознание "критически мыслящей личности" (Лавров), либо как сознание отдельного человека (Гершензон: "внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и она является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства"), либо как волю (Шопенгауэр, Ницше), либо как свободу (Бердяев, Сартр).

Одни философы допускали только одно начало. Их философские системы называются монистическими. Монизм ("*monos*" - один) – философская позиция, согласно которой существует одно определяющее начало, которое обуславливает все проявления жизни, всю деятельность людей: экономическую, политическую, познавательную, военную и т.д.

Другие философы допускали существование двух исходных начал. Их философские системы называются дуалистическими. Дуализм ("*duo*" - два) - философская позиция, исходящая из признания двух начал – духа и материи, идеального и материального, которые являются равноправными и не сводимыми друг к другу. Так, согласно Декарту, бытие делится на мыслящую субстанцию (дух) и протяженную (материя). Эти две субстанции наличествуют в человеке (он и материальное тело, и мыслящий дух). Но они не зависят друг от друга, т.е. физиологические процессы не обуславливают психические.

Третьи философы допускали существование множества начал. Их философские системы называются плюралистическими. Плюрализм ("*pluralis*" – множественный) – философская позиция, согласно которой существует несколько или множество независимых и не сводимых друг к другу начал. Человек, признавший правоту плюралистического видения мира, по-разному реализует свои творческие способности на том или ином поприще, терпимо относясь к людям, выбравшим иные принципы деятельности.

Теперь, после всего сказанного, можно дать следующее определение мировоззрения. Философское мировоззрение – стройная система обобщенных представлений и взглядов, выражающих отношение человека к миру с позиции того или иного найденного им начала. Каждое мировоззрение призвано обеспечить – на это надеется и к этому стремится каждый философ – гармоничные отношения между человеком и окружающей действительностью, и в конечном счете – мир, стабильность, счастье и

смысл существования. К великому сожалению, такие надежды не всегда сбываются. Бросать на этом основании упреки философам не следует. Человеческая жизнь настолько богата и неисчерпаема, поведение людей порою настолько непредсказуемо, что ни одно философское мировоззрение, каким бы оно ни было гениальным, не в состоянии охватить все проявления жизни, объяснить их с исчерпывающей полнотой. Жизнь постоянно рождает новые противоречия и парадоксы, которые требуют новых объяснений, поисков новых оснований бытия. Каждое основание – это не более чем средство нашей ориентации в настоящем, прошлом и будущем, и ни одно из них не означает, что выбранный путь является единственно правильным. Мировоззренческий поиск бесконечен, и будет длиться так долго, пока мятущийся человек не устанет от жизни и не потеряет надежды на лучшее будущее.

Мировоззрение – это своего рода духовная призма, через которую воспринимается и переживается все окружающее. Человек, определившийся с мировоззрением, нашедший отправной принцип, начинает воспринимать мир, происходящие события под определенным углом зрения. Он видит и понимает его избирательно, только так, а не иначе, только таким, а не каким-либо другим. Хотя все мы живем в одном мире, но он не одинаков для нас. Он не одинаков для живущих ныне и был не одинаков для людей прошлых поколений. Его видят на Востоке иначе, чем на Западе; в античной Греции иначе, чем в современной и т.д. Он предстает более или менее одинаковым лишь для придерживающихся одного мировоззрения.

В соответствии со своим пониманием мира человек выстраивает определенное отношение к миру по всем болевым точкам соприкосновения с ним. У него возникает свое понимание семейных отношений, свое отношение к труду, природе, старшим по возрасту, женщине, порядку и дисциплине, власти и т.д. Словом, все проявления нашей многоликой жизни, начиная от идеалов и кончая устройством личного быта, испытывают на себе влияние "магнитного поля" мировоззрения.

У внимательного читателя может возникнуть сомнение относительно необходимости создания мировоззренческих систем и вообще надобности философии. Он может сказать, какой смысл создавать все новые и новые философские учения, если мир человеческих отношений не становится лучше, если кровавые столкновения между людьми не утихают ни на минуту (XX век ознаменовался двумя мировыми войнами и десятками региональных), если количество нерешенных проблем не уменьшается, а, возможно, возрастает. А каждая нерешенная проблема, особенно из числа глобальных, например, экологическая, является своего рода миной, которая может взорвать мир и... прощай человечество. Обоснованное сомнение!

Рассеять такое сомнение трудно, но возможно. Для этого необходимо по-иному посмотреть на проблемы, которые осаждают нас со всех сторон, которые наваливаются на нас (для образности изложения воспользуемся военной зарисовкой) как самолеты-бомбардировщики, когда одно звено сбрасывает свой смертоносный груз и улетает, появляется другое, потом третье..., а солдат на переднем крае мечется между взрывами и ждет, когда кончится этот кошмар.

По-иному посмотреть на проблемы, значит понять, что проблемный кошмар никогда не кончится и что иметь проблемы – привилегия человека. Они у него были, есть и будут. Этим он отличается от животных. Последние не знают проблем и пребывают в полной гармонии с природой. Отсутствие у них проблем означает только одно – отсутствие духовной жизни. Поэтому им не о чем говорить и нечего обсуждать. Их не преследует "дум высокое стремленье". Ведомые инстинктом они лишены возможности выбора и права совершать ошибочные поступки. Животные "знают", что делать в каждой конкретной ситуации, но не более, чем позволяет инстинкт.

Человек - существо свободное и потому обречен на проблемное существование. Его вечная неудовлетворенность собой и миром, неумное желание жить завтра лучше, интереснее, богаче и красивее, чем сегодня гонят его к поиску все новых и новых источников удовлетворения своих потребностей. Он совершенствует орудия труда, открывает законы природы, реформирует экономические, политические, правовые отношения, создавая тем самым все более комфортные условия жизни. По достижении одного уровня благосостояния у него возникают новые запросы и потребности, рождаются новые идеалы счастливой жизни и появляются новые перспективы их практической реализации. И нет конца человеческим вожделениям и надеждам! Однако, этот процесс восхождения к недостижимым вершинам счастья и красоты тернист и противоречив. Непомерные амбиции человека, с одной стороны, и, с другой - ограниченные возможности природных ресурсов и его самого как животного по своему происхождению существа порождают неизбежные трудности, судорожные рывки вперед и временные откаты к устаревшим формам экономической и политической жизни, напряженность человеческих взаимоотношений по всем вопросам бытия. Поэтому жизнь человека есть постоянное разрешение возникающих проблем, диссонансов и противоречий, которые держат его во власти постоянного поиска и творчества. В этом кипении жизни рождается необходимость свободы и выковываются средства ее реализации.

Каждое новое поколение людей проживает свою жизнь, во многом не похожую на жизнь прошлых поколений. Поскольку у каждого нового поколения возникает чувство неудовлетворенности условиями, сложившимися в предшествующий период, то на своем пути к предполагаемому лучшему будущему ему

приходится переосмысливать всю прошлую деятельность, искать новые принципы организации жизни, создавать новое мировоззрение.

Эту общественную потребность реализуют великие философы. Каждый великий философ велик прежде всего тем, что он, находя новые основания бытия, разрывает мировоззренческие рамки своей эпохи, разрушает устоявшиеся стереотипы мышления, поведения и практических действий. Каждое новое мировоззрение – это иное видение мира, открытие в нем ранее неизвестных граней и качеств, в том числе и у самого человека. Мировоззренческое творчество создает предпосылки для расширения познавательной и практической деятельности и в конечном счете раздвигает рамки свободы.

Обыденное (житейское) миропонимание

Наряду с философским (теоретическим) мировоззрением существует житейское. Первое создается философами-профессионалами, теоретиками; второе – каждым человеком, независимо от того, насколько он серьезно и сознательно задумывается над проблемами жизни или вообще не затрудняет себя таким занятием. Под напором жизненных обстоятельств каждому человеку приходится выстраивать определенное отношение (взгляды и поступки) к той части окружающей действительности, с которой он контактирует. Обыденное миропонимание – это восприятие мира, основанное на повседневном личном опыте и знании. А опыт этот узок и ограничен, поскольку он является опытом одного человека.

Житейское миропонимание не может быть одинаковым у всех людей не только в силу различий опыта и знаний, но и в силу социальной неоднородности его носителей. Люди принадлежат к различным социальным слоям, классам, профессиональным группам, национальным общностям, территориальным объединениям и т.д. Отсюда и широкий разброс житейского мирозерцания – от самых примитивных взглядов до ярких, глубоких воззрений ученых, художников, политиков и т.д.

Житейское миропонимание, подобно теоретическому, покоится на определенном фундаменте. Если у человека отсутствует способность критического анализа собственного сознания, своих помыслов и действий, то основаниями житейского миропонимания обычно становятся какие-либо расхожие представления, имеющие хождения в близкой ему по духу среде. В качестве таковых могут выступать те или иные положительные нравственные нормы: "не кради", "не воруй", "живи честно", "не рой яму другому". Этими нормами руководствуется большинство людей. На основе их складывается определенный взгляд на мир человеческих отношений и, в конечном счете, определенный образ жизни.

Бывает иначе. Молодой человек, часто слыша от родителей почитаемое ими правило жизни: "не украдешь, не проживешь", может неосознанно положить его в основу своего будущего мировосприятия. Названное основание со временем обрастает дополнительными "аргументами" – "абсолютно честных людей не бывает", "честные – это те, которые умело скрывают свои нечестные дела и намерения", "разница между, так называемыми, честными и нечестными состоит в одном: одни, воруя, попадают, другие – не попадают", "вор – двигатель технического прогресса" и т.д. В итоге у такого человека складывается соответствующий взгляд на мир, определенная интерпретация происходящих событий, своеобразная манера поведения и образ жизни. Воровское мировосприятие – одно из многих проявлений житейского мировоззрения.

Если человек берет чувственные наслаждения за начало, то он сам превращается в чувственное существо, в наслаждающееся животное. У него возникает специфическое восприятие жизни. Оно выразится в его лице, походке, будет смотреть из его глаз и управлять поступками.

Другой пример. Одним из расхожих представлений является: "на труды праведные, не построишь палаты каменные". Оно, принятое на веру в качестве непреложной истины, может стать ядром миропонимания. Вокруг него легко укладываются родственные ему суждения: "богатые - жулики, бедные - честные", "частная собственность – источник социальной несправедливости", "справедливые общественные отношения возможны в условиях имущественного равенства", "гарантом равенства может быть только всесильное государство рабочих и крестьян" и т.д. Система таких взглядов предопределяет дела и поступки на экономическом и политическом поприще, симпатии и антипатии к политическим партиям к движениям.

Среди множества расхожих мнений можно встретить и такое: "всякая власть есть насилие". В этом мнении частично отражается назначение власти – насилие, принуждение. Однако власть не только принуждает, но и уговаривает, примиряет конфликтующие стороны, чтобы установить стабильность общественных отношений.

Человек, руководствующийся первым представлением о власти, обрекает себя на подозрительное отношение к любой власти, в том числе и демократической. Он может, к примеру, отказаться от участия в выборах. ("Зачем голосовать, если одна власть не лучше другой, если все политические лидеры добиваются власти в корыстных целях, чтобы творить насилие, топтать и унижать слабых").

Ограничимся этими примерами. Многообразие житейского миропонимания и лежащих в его основе исходных принципов поистине безгранично. Сколько людей – столько и мнений.

Характерной особенностью житейского миропонимания является то, что оно способно познать лишь наиболее простые истины, отвергнуть наиболее вопиющие нелепости. Но не более. Оно пасует перед сложными событиями и прежде всего событиями общественной жизни. Поэтому в житейском миропонимании с трезвой оценкой вещей могут соседствовать предрассудки, косные, обывательские мнения, вера в простейшие решения социально-экономических проблем (вера в появление чудо-вождя, который одним-двумя решительными политическими действиями может враз ошастливить страдающее общество); с рассудительностью, осмотрительностью, благоразумием может уживаться мракобесие, фанатизм, презрительное отношение к профессиональной умственной деятельности, враждебность к творческой фантазии художников, поэтов, писателей; с уважением к нравственным и правовым нормам может соседствовать хамство и попрание всех законов и норм. Наряду со стремлением к свободе возможны добровольное рабство духа, покорность и смирение. Наряду с оптимизмом – глубочайший пессимизм, неверие, безысходность. Наряду с ненавистью к войне – крайний шовинизм ("мы гранатой и штыком всю Европу разобьем"). Наряду с трезвым отношением к своим умственным способностям – самодовольство, самомнение, фанфаронство, шапкозакидательство. И нет конца житейскому "дуализму"!

Благополучие общества во многом зависит от поведения, нравственно-интеллектуального состояния, эмоционального настроения широких народных масс. При более или менее нормальных условиях жизни, когда экономические и политические отношения находятся в состоянии относительной гармонии и стабильности, когда есть уверенность в завтрашнем дне, широкие массы ведут себя добропорядочно, уважают правила человеческого общежития, соблюдают нравственные нормы, чтят уголовный кодекс, напряженно работают, учат детей доброму и прекрасному, повышают свой интеллектуальный уровень. Публика, пребывающая в таком состоянии, является демосом – здоровым, непаникующим народом. Пословица: "глас народа, глас божий" является отражением этого состояния.

При неблагоприятных условиях жизни, когда возникает экономическая нестабильность, которая сопровождается депрессией производства, инфляцией, понижением жизненного уровня, когда устанавливается политическая дестабилизация, которая сопровождается падением авторитета властей, ростом анархии, когда теряется уверенность в завтрашнем дне, эта же публика начинает вести себя недобропорядочно: нарушает нравственные нормы, не чтит уголовный кодекс, не тянется к культурным ценностям, во всем видит упадок и регресс. Публика, пребывающая в таком состоянии, является охлосом – больным, паникующим народом. В этом состоянии как раз и обнаруживается мировоззренческая слабость, ограниченность, недалёковидность житейского миропонимания; его неспособность к критическому анализу внутреннего состояния человека и внешних обстоятельств. Оно оказывается неспособным противостоять напору национально-эгоистических, расистских, шовинистических, "ура"-патриотических, уравнилельных, милитаристских и других идей. При охлократическом, "простудном", состоянии общества эти зловередные идеи-вирусы могут молниеносно овладеть сознанием широких масс и толкнуть их на непродуманные авантюрные действия.

Как бы ни было трудно ответить на вопрос "Что делать?", отвечать приходится. В форме доброго пожелания ответ может быть таким: "Не надо "простывать". Простудные заболевания человека (в прямом смысле) и "простудные" заболевания общества (в переносном смысле) есть результат невежества и бескультурья самих заболевших. Само же это невежество есть не что иное, как рабская покорность человека перед жизненными обстоятельствами, рабское следование их диктату. Подняться над жизненными обстоятельствами, быть выше их – условие свободного парения мысли. Последнее реализуется при вдумчивом, критическом отношении к самому себе, при наличии потребности к постоянному углублению и расширению интеллектуально-культурного поиска. Такая потребность может обеспечить человеку выход за пределы приземленно-житейского миропонимания.

Философия и мировоззрение личности

Философское осмысление действительности нельзя рассматривать как описание окружающего мира с какой-либо единой обобщающей научной точки зрения, где человек – сторонний наблюдатель. Философия это не просто часть, или, как принято говорить, ядро мировоззрения, а одна из его форм, наряду с такими мировоззренческими формами как миф и религия. Специфика каждой из них – в характере отношения человека к миру и к себе. И если говорить о философском характере отношения к миру, то его главная отличительная особенность в критическом отношении к той системе знаний и представлений о мире, которые имели место еще до того, как человек начал философствовать. Философия – это всегда проблематизация на первый взгляд вполне очевидных вещей. Она возникает из сомнения в очевидности общепринятых мнений, рассуждений, правил, традиций, внешне неопровержимых истин.

Еще до всякой философии сознание нормального человека обладает достаточной цельностью,

устойчивостью, упорядоченностью, оно опирается на целый ряд вполне определенных представлений о мире и принципов действия в нем, через которые, как через сито, просеивается вся поступающая извне информация. Этот набор знаний о мире и правил действия в нем формируется у человека в процессе его социализации (т.е. посредством воспитания, обучения, приобщения к традициям, к культуре данного общества), а также и через его личный жизненно-практический опыт. Пожалуй, именно эта система общепринятых в данном обществе принципов и ценностей как раз и является ядром мировоззрения каждого из представителей конкретного общества и конкретной эпохи. В основании этих принципов лежит коллективный опыт, который передается из поколения в поколение как достоверное знание, как общепринятая традиция.

Но мировоззрение отдельной личности к этому коллективному опыту не сводится – в противном случае оно было бы исключительно одинаковым у всех людей. Мировоззрение человека представляет собой обобщение, осмысление этого совокупного опыта с позиции своего "я", что предполагает соответствующую оценку всей имеющейся информации. Оценивая определенным образом данную систему знаний, человек обосновывает, почему необходимо принять или не принять окружающий мир в качестве системы своих ценностей. Через осуществляемый процесс оценки формируются такие важные мировоззренческие компоненты как убеждение и вера. Убеждение в правильности даваемых тобой оценок, вера в истинность разделяемых тобой принципов. В силу того, что в мировоззрении человека помимо системы общепринятых знаний (которые он впитывает вместе с культурой данного общества) присутствует оценка этих знаний, а соответственно убеждение и вера или неверие в эти знания, то мировоззрение всегда носит исключительно субъективный, личностный характер.

Правда, надо сказать, что далеко не все люди могут четко сформулировать свои мировоззренческие принципы, развести границу между, так называемым, философским мировоззрением и своим личным мнением, а тем более дать какую-либо оценку своим убеждениям. И не для всех людей возникает необходимость в этом. Этим людям больше свойственна не столько какая-либо четкая мировоззренческая позиция, которая диктует им определенную линию поведения, сколько чувственно-эмоциональное переживание этого мира, основанное на личном опыте общения со своим ближайшим окружением. Этот личный, непосредственный, сиюминутный опыт практической жизнедеятельности распространяется на весь мир, на весь комплекс знаний и принципов, которые были усвоены. Если опыт был приобретен в атмосфере любви, взаимопонимания, уважения и т.д., то и мир воспринимается добрым, благорасположенным к человеку, не простым, но оставляющим надежду. Если этот опыт формировался в атмосфере взаимных обид, унижений, лицемерия, вранья, то и жизнь человека ощущается как постоянное страдание, а мир воспринимается враждебным, лживым, злым. Если человеку в своей практической деятельности приходилось постоянно самоутверждаться, отвоевываая свое место под солнцем, то и мир воспринимается как постоянное состояние борьбы, когда, если ты не толкнешь, то толкнут тебя.

По-видимому, большая масса людей как раз и находится на таком уровне мировосприятия, не поднимаясь до каких-либо четких мировоззренческих формулировок. Этот уровень можно назвать обыденным мировоззрением или мироощущением, сформированным через личный жизненно-практический опыт.

Потребность в четкой формулировке своих жизненных принципов возникает тогда, когда правила, вроде бы неоднократно проверенные практикой, почему-то не срабатывают, когда твои ожидания, надежды, основанные на эмоционально-чувственном восприятии мира, не оправдываются, когда привычный ход вещей становится непонятным. В этот момент у человека возникает потребность найти причину, докопаться до сути, до основополагающих принципов и проверить их на истинность, безупречность, непорочность. И чтобы эту потребность удовлетворить, человек и должен перейти в плоскость философского отношения к миру. Философское отношение к миру – это не просто теоретическое осмысление, оправдание и эмоциональное переживание своего существования в нем, но критическое отношение к миру через призму понимания своего "я".

Потребность в философии у человека возникает не тогда, когда он ищет ответ на вопросы: "Что такое мир? Как человек в него вписывается? Как он должен поступать, чтобы выжить? Во что он должен верить, и на что он может надеяться?" На эти вопросы каждый для себя определенным образом ответил еще до всякой философии под давлением конкретных жизненных обстоятельств, повседневного житейского опыта, в процессе семейного воспитания и школьного обучения, под воздействием самого разнообразного общекультурного материала (пресса, религиозная проповедь, художественная литература, телевидение, общественное мнение, идеологическая установка в виде политической резолюции, постановления и т.д.). Философия начинается тогда, когда человек начинает сомневаться в правильности даваемых им ответов, в действительности своих обязательств, подлинности своих оценок, надежности своей веры, устойчивости своих убеждений, в истинности своих идеалов. Философия, как теоретическая дисциплина, может воздействовать на мировоззрение людей только как на личностно-сознательных читателей философских текстов, которые сами задаются вопросами о смысле жизни, о своем месте в мире и пытаются найти на них ответы. Таким образом, еще до того, как у философии появится возможность оказывать соответствующее влияние на сознание индивида, у человека должна возникнуть потребность в философствовании.

Философская проблематика возникает не в философии, как в особой форме профессиональной деятельности, а в реальной жизни людей. И роль философии в данном случае - предостеречь человека от слишком легкого, простого, а то и часто наивного решения мировоззренческих вопросов. Философия призвана разрушать всезнайство обыденного сознания, приводить его к сомнению в своей непогрешимости и, тем самым, препятствовать утверждению необоснованных выводов, воспроизведению устаревших рассуждений, тупиковых способов анализа проблем.

На такого рода рассуждения логично было бы возразить: "А зачем современному человеку нужно сомневаться в очевидности, лежащей перед его глазами, изобретать еще что-либо? Ведь есть наука, которая дает вполне достоверные, обоснованные ответы и рекомендации, достаточные для практической жизни".

Вряд ли сегодня мы встретим человека, который бы оспаривал огромное значение науки в наш век. Каждый сможет назвать массу научных открытий XX века, которые значительно изменили образ жизни современного человека. Но стали ли мы по сравнению с предыдущими эпохами мудрей? На все ли вопросы можем ответить сегодня? Уменьшилось ли количества непознанных явлений и всевозможных заблуждений по сравнению с донаучными эпохами?

Поистине мудрым ответом на эти вопросы явился бы отрицательный ответ. Наука несет человеку не только новые знания и возможности, но и понимание того, что существуют практически неразрешимые задачи, неопределенные жизненные ситуации. Только недалекий человек может решительно заявить, что он знает все, что ему необходимо для жизни. Это мнимое всезнайство сродни мировоззрению первобытного человека, для которого не существовало вопроса, ставившего его в тупик. На все он имел объяснение, восходящее либо к авторитету старших поколений, либо к легенде сотворения мира.

Наука рождается не в атмосфере остро переживаемого незнания, а, напротив, она повсюду вторгается в царство уже сложившихся представлений об окружающем мире, и именно поэтому ей приходилось прокладывать дорогу через костры инквизиции, завоевывая территорию неопровержимых видимостей, в истинности которых большинство не сомневалось. Наука приносит людям логически и эмпирически удостоверенное знание, охватывающее достаточно узкий круг явлений, в то же время накладывает запрет на ряд практических ожиданий человека, отбрасывая огромное количество утешительных иллюзий и псевдообъяснений. Так, например, классическая механика заставила расстаться с мечтами о вечном двигателе, химия наложила запрет на алхимические опыты, развитие анатомии, астрономии значительно подорвали веру в астрологию и хиромантию. Наука объяснила многие природные явления, научилась предупреждать их разрушительные последствия. Тем не менее она не всегда способна предсказать последствия практических применений своих собственных открытий, о чем убедительно свидетельствует надвигающаяся на человечество экологическая катастрофа. Наука так и не смогла дать достоверных знаний в защиту или в опровержение идеи бога, бессмертия души, происхождения человека, возможностей построения справедливого общества. Наука не может с уверенностью сказать, что микромир и космос, или глубинные процессы, происходящие в душе человека, являются именно такими, какими они представляются ученым. Тем более нельзя требовать от науки универсального знания, которое можно было бы использовать в сфере индивидуальных жизненных решений и выборов. Таким образом, с развитием науки человек не только приобретает новые знания и возможности, но все больше убеждается в том, что существует еще масса областей, которые он не знает и может быть никогда не узнает.

Нельзя сказать, что этот взгляд на науку является массовым достоянием. Современная наука оказала значительное влияние на обыденное сознание людей. Современный человек уже не может с прежней серьезностью относиться к персонажам религиозных мифов, к чудотворцам, гадалкам, предсказателям. Но потребность в прорицании судьбы, в чуде исцеления, в предсказании исхода какого-либо важного начинания у человека остались. И многие люди склонны требовать теперь от науки такого исчерпывающего, универсального знания, которое бы носило форму провидения и позволяло черпать наставления и предостережения на все случаи жизни. Такого рода мировоззренческая позиция получила название сциентизма.

В массовом сознании сциентистские установки складываются стихийно и проявляются в безграничной вере в то, что все научные открытия - это несомненные блага для человечества, что авторитет ученого является бесспорным, а научные истины безусловными, не требующими морального обоснования.

Стихийно складывающаяся сциентистская ориентация массового сознания находит поддержку и в теоретических установках некоторых ученых. Так называемый теоретический сциентизм предполагает, что наука - это решающая и единственная сила прогресса, что она является абсолютным эталоном всей культуры человечества, а потому она является единственным и достаточным условием ориентации человека в мире. Причем, идеалом для сторонников данной позиции выступает не всякое научное знание, а результаты и методы естественных наук, которые стараются внедрить и в гуманитарную сферу. И здесь уместно вспомнить часто возникающий на страницах нашей прессы спор между "физиками" и "лириками", в котором одна из сторон позволяет себе проявлять неуважительное отношение к этическим и эстетическим

ценностям, либо к истории как к науке, лишь потому, что знания этих областей не сулят человечеству перспектив материального прогресса и не могут быть описаны математическими методами.

С точки зрения теоретического сциентизма каждая проблема, которая не поддается однозначному решению либо описанию строгими научными методами, является "псевдопроблемой". Не менее трагическая ситуация возникает, когда идеология сциентизма распространяется на сферу общественных наук, к которым предъявляют требования разработать универсальную "научную" методологию преобразования общества. В данном случае социальная организация и составляющие ее индивиды рассматриваются только в качестве средства для реализации научных экспериментов.

Подобные программы теоретического сциентизма и ожидания стихийного сциентизма находятся в удивительном созвучии. Обе стороны признают, что наука должна быть главным ориентиром человеческой жизни, не сомневаются в том, что наука способна дать надежные познавательные гарантии правильности сделанного человеком выбора в сторону прогресса. Подобное обольщение успехами научного знания есть не что иное, как преувеличение роли и значения научных истин по сравнению с общечеловеческими ценностями и идеалами.

Подводя итог всему сказанному, можно утверждать, что основное влияние, которое философия оказывает на сознание человека, - это дать возможность критически посмотреть на свои мировоззренческие суждения. Но философское мировоззрение не сводится к критической позиции человека в отношении к миру. В центре философского мировоззрения находится сам размышляющий человек. И философия для него является всего лишь одним из способов осознания своего "я" в мире людей и вещей.

Действия человека никогда не являются однозначно определенными, запрограммированными. У каждого всегда имеется возможность выбора поступка, а отсюда возможность сомнения в правильности сделанного выбора. Со стороны действующего поступок нуждается в обосновании, оправдании, со стороны окружающих - в понимании. За простыми житейскими поступками могут стоять серьезные философские проблемы, которые нередко являются причиной нравственных терзаний. Например, такие вопросы: оправдывает ли цель средства? Что должно преобладать в деятельности - волевое начало или трезвый расчет, холодный рассудок или чувство долга, ответственности, доброты, любви и т.д.? Как соотносить личные, семейные и гражданские, партийные, национальные, общечеловеческие ценности и интересы и т.д. На эти вопросы нельзя ожидать каких-то универсальных ответов, каждый отвечает по-своему, совершая конкретный поступок. Не исключением в этом отношении являются хорошо всем известные моральные заповеди, которые каждый нормальный человек стремится не нарушать. Такие моральные заповеди как "не убий", "не лги", "не предавай", "не воруй" воспринимаются как очевидные простейшие истины, как надвременная предпосылка человеческого общежития. Тем не менее, совершая конкретный поступок, человек вновь и вновь стремится обосновать ту или иную моральную норму, наполнить ее конкретным содержанием, как бы убедить себя, что он должен сделать именно так, а не по-другому.

Философия помогает человеку сформировать определенный способ своей жизнедеятельности. И философия в данном случае является не просто набором сюжетов, иллюстрирующих возможные ответы на вечные вопросы бытия и смысла существования, но это своего рода способ включения человека в окружающий его мир. Философское осмысление деятельности - это всегда проникновение в общечеловеческий опыт, традиции, это знакомство с системой ценностей и культурой деятельности, выработанной человечеством в целом.

Если человек, делая попытку ответить на мировоззренческие вопросы, обращается к философской традиции решения той или иной проблемы, он имеет преимущество, не изобретая велосипед, усвоить опыт предшествующих поколений как на уровне житейской мудрости, так и человеческой истории в целом.

И в этом отношении, наверное, правомерно было бы сказать, что для каждого отдельного человека философия, во-первых, это способ осмысления им своей деятельности через обоснование, оправдание, мотивацию; во-вторых, это способ посредством мышления вступать во взаимоотношения с миром, с другими людьми, поколениями, прошлым, настоящим, будущим. Стоит отметить и то, что философия дает человеку не только возможность решения вопросов бытия и действия в мире, но она дает возможность так же и уйти от мира, если он не удовлетворяет человека.

Реально в жизни человек может быть кем угодно, ежедневно выполнять какие угодно функции, но именно тогда, когда он начинает философствовать, рассуждать, анализировать свои поступки, действия, в которых непосредственно выражаются его мировоззренческие принципы, человек приобретает определенную свободу принять или не принять окружающий мир в качестве системы ценностей. И по-видимому, именно в этом смысле можно понять слова М.Мамардашвили: "Философия - это свобода, осуществленная через философствующего человека".

Важнейшим составным элементом мировоззрения является моральное сознание, нравственность. Специальная наука, изучающая структуру сознания, - психология утверждает, что моральное сознание является стержнем личности. Ядро нравственного сознания составляет дилемма добра и зла, понимание границ между ними. Данная дилемма включает следующее: Что такое добро и зло? Почему зло бывает так "притягательно", а добро так "робко" в поведении человека? Можно ли избежать зла? Как творить добро в повседневной жизни? Имеют ли место добро и зло вне человеческих отношений? Всегда ли любовь, совесть, ответственность, чувство достоинства, гордость, честолюбие и другие качества являются положительными моральными ценностями, а значит - добром? Наконец, является ли человеческая жизнь высшей ценностью? Ответ на эти вопросы не прост, далеко не однозначен. Например, если человеческая жизнь объявляется высшей ценностью, то всякую ли деятельность по сохранению жизни следует рассматривать как добро? Что гуманнее: смертная казнь для злоумышленника, преступника или его пожизненное заключение? Надо ли оказывать помощь безнадежно больным, испытывающим невыносимые мучения, в легкой, безболезненной, но не естественной смерти? Это вопросы, которые сопровождают человека всю жизнь, требуют ответа и принятия решения.

Пожалуй, ни одно явление социальной жизни - ни наука, ни политика, ни право, ни религия не истолковывались так разноречиво, так разнообразно, как мораль. С ней может соперничать в этом отношении, наверное, только искусство. Как только ни определяли мораль в истории этики: как опыт житейской мудрости; как исполнение божественных заветов, обеспечивающих бессмертие; как наикратчайший путь к счастью и как возвышенное служение чести; как исполнение непререкаемого долга и инструмент сохранения порядка в обществе; как "суд над жизнью" и самим собой; как смысл человеческой жизни; и даже, как условность, сковывающая личную инициативу. Перечень этих определений можно было бы продолжить. Почему так сложно оказалось дать определение морали?

Во-первых, в истории этики не существовало четкого понимания истоков моральных норм, нравственных предписаний и правил. Какова природа морали, нравственности? Врожденными или приобретенными являются моральные качества? Мораль – богом данная милость, отличающая человека от других форм живого, или условность, принятая самими людьми?

Во-вторых, на протяжении долгой, противоречивой истории каждая социальная группа пыталась приспособить мораль к своим интересам, оправдать с ее помощью свой образ жизни. Поэтому выпячивалась то одна, то другая ее сторона, хотя историческая истина, как показывает опыт общественного развития, всегда оставалась за теми социальными силами, которые более следовали общечеловеческим интересам.

В-третьих, мораль, как сложное духовное явление, нелегко поддается теоретическому анализу, так как проявляется она через индивидуальное поведение, через множество неповторимых ситуаций, во многом основывается на эмоциональной сфере человека, его чувствах.

В-четвертых, трудно было выработать критерий (мерило) морального поведения. Кто или что определяет моральную норму, почему необходимо ей следовать? - вопросы, которые ставили в тупик как обычного человека, так и философа-этика. Нелегко определить, например, что такое счастье, любовь, или в чем состоит смысл жизни... Поэтому этика, как философское размышление о морали, прежде всего обнаруживает сложность, многогранность и неоднозначность морального сознания, морали как общественного явления. Обобщив различные точки зрения, можно констатировать, что мораль - это и школа воспитания, и опыт житейской мудрости, помогающий жить достойно, это и исполнение долга, и инструмент сохранения порядка в обществе, это и служение идеалу, и "суд совести".

Мораль - это такое духовное явление, представляющее совокупность идеалов, принципов и норм, которое регулирует общественную жизнь и оценивает деятельность людей и социальных групп с позиций понятий о добре и зле, выработанных обществом на данном этапе его развития.

Какие же особенности отличают мораль от других сфер духовного бытия? Какое место она занимает в структуре мировоззрения?

1. Она не ограничивается одной, ясно очерченной сферой человеческой деятельности, как, например, наука – сферой познания или политика – межгрупповыми, межгосударственными, властными отношениями. Мораль обладает всепроникающей способностью. Дело в том, что моральная оценка применима к любой человеческой деятельности, если эта деятельность включает в себя отношение человека к действующей в обществе системе ценностей и затрагивает интересы других людей. Но не любая деятельность затрагивает интересы других людей, нормы и принципы, принятые в обществе. Поэтому этика считает, что своеобразная человеческая деятельность подразделяется на три сферы: моральную, аморальную и внеморальную, которые качественно отличаются друг от друга тем, что первая и вторая - это нравственно-положительные и нравственно-отрицательные поступки, а третья - не имеет отношения к морали. Однако, здесь следует иметь в виду, что наша деятельность настолько тесно связана с интересами других людей и интересами общества, что действий, круг которых не подпадает под моральную оценку, практически немного и граница между сферой морали и внеморальными действиями

очень подвижна. Данную мысль можно проиллюстрировать следующим примером: вы ставите опыт, нужно получить определенные результаты. Сам опыт, его проведение могут не иметь морального содержания. Но время торопит, очень хочется закончить опыт и вы подгоняете (только чуть-чуть) данные эксперимента под результат, хотя и понимаете, что это неточные данные. Что это? С научной точки зрения, не совсем "чистый" опыт, но тут присутствует и нравственный аспект – научная нечистоплотность, нечестность, которая может иметь далеко идущие отрицательные последствия для многих людей.

2. Мораль многолика и исторически изменчива, так как на каждом этапе социально-исторического развития общества ей приходится решать разные задачи в соответствии с социальными идеалами, выдвигаемыми обществом. Вместе с тем, мораль представляет собой целостное, последовательное явление, содержащее устойчивые элементы, непреходящие ценности, которые вырабатывались веками и являются достоянием общечеловеческой нравственной культуры. Это тот сгусток народной мудрости, форм общения и поведения, выражение эмоций и отношений к вещам, которые, преломляясь через национальные особенности, всегда составляли костяк общественной жизни. Это то общее, что помогает людям в конце концов понимать друг друга.

3. Далее следует отметить еще одну очень важную специфическую особенность морали, присущую только этому явлению. Особенность, без которой мораль не была бы моралью. Она ориентирует человека на должное, более высокое по сравнению с реальностью, сознание и поведение. Мораль – не только то, что есть нравственного в обществе и человеке на данном этапе их развития, а и то, что должно быть. Коллизия сущего и должного – специфически нравственная проблема. Она побуждает и направляет к более высоким целям, как бы призывает человека подняться над обычным, повседневным, увидеть перспективы нравственного совершенствования и нравственного прогресса общества. Мораль не может замыкаться внутри себя. Чтобы определить систему ценностей, на которые следует ориентироваться, надо выйти за пределы привычных нравственных понятий и практикуемых в данный период нравственных правил в область социальных отношений, общечеловеческих задач, ценностей и перспектив развития человечества.

Мораль отражает действительность в форме сложной работы разума и сердца каждым отдельным человеком, когда в процессе общения нами постигаются нормы поведения, выработанные обществом, устанавливаются понятия о том, "что такое хорошо" и "что такое плохо". То есть, мораль является таким оценочно-повелительным, предписывающим способом отражения действительности, который регулирует поведение людей с точки зрения добра и зла.

Если мы посмотрим на историю философии, то обнаружим, что каждый крупный философ уделял внимание морально-нравственной проблематике. Достаточно обратиться к взглядам таких философов как Сократ и Аристотель, Спиноза и Кант, Ницше и Фрейд, Соловьев и Бердяев. Иммануил Кант, например, писал, что для него философия началась с удивления перед двумя великими тайнами бытия; одна из них – человек и космос, человек и окружающий его мир, другая – нравственность человека, тайна совести и долга. "Звездное небо надо мной и нравственный закон в душе" – две загадочные проблемы, над которыми Кант работал всю жизнь и как философ, и как человек. Не найдя на них окончательного ответа, данного раз и навсегда (да и можно ли найти окончательный ответ?), он приходит к выводу о том, что такие сущности как свобода. Бог, совесть человека, да и вся нравственность непостижимы нашим рассудком, являются "вещью в себе", т.е. нераскрываемы для научного познания. Кант был прав в том, что свобода, жизнь человека, любовь, другие нравственные ценности не могут быть однозначно определены во времени и в равной степени значимы для каждого: в одной и той же, одинаково угрожающей жизни человека ситуации, один выбирает жизнь любой ценой, а другой предпочитает смерть, но сохраняет свои убеждения, свою личностную целостность (пример Сократа, Яна Гуса и др.). Люди в исторической практике осознали и пришли к выводу о том, что к человеку будут относиться так, как он будет относиться к другим. Поэтому еще в древности было сформулировано, так называемое, "золотое правило нравственности" – поступай (не) по отношению к другим так, как ты бы хотел (не), чтобы поступали по отношению к тебе. И. Кант в своей философии возвел это правило в ранг непреложного закона, так называемого, "категорического императива" и дал обоснование ему в работе "Критика практического разума". На простой, обыденный язык это требование можно перевести так: хочешь, чтобы тебя любили, люби сам; хочешь, чтобы тебя уважали, уважай сам, хочешь, чтобы тебя прощали, умеи прощать сам. Иными словами, если хочешь, чтобы к тебе относились с добром, твори это добро прежде всего сам. Твори его, не ожидая отдачи, и в том случае, если тебя не сразу поймут и оценят, твори его вопреки всему – иначе в жизни вовсе не будет добра. Такова мировоззренческая позиция философа.

Ясно, что приняв такой принцип, укрепив свое сознание таким убеждением, человек и другие вопросы, другие ситуации будет рассматривать сквозь его призму. Определенную направленность приобретут тогда и смысл жизни, и счастье человека, и его судьба, и весь жизненный путь. Если же человек не примет такую позицию, а в основу мировоззрения положит другой принцип (не альтруизм, например, а эгоизм, человеконенавистничество и пр.), то вся картина мира примет другой характер, другая жизненная константа поведет его по иному пути. Роль философии заключается в том, чтобы помочь выработать эту константу. Философия не навязывает своих решений, а лишь предлагает их, предоставляет

выбор обдуманых и проанализированных проблем. Право человека критически подойти к ним, принять или не принять их, включить или не включить в систему своих представлений о мире.

Любовь, добро, милосердие, участие нужны всем и ценились во все времена. Все преходяще в этом мире: красота, здоровье, молодость, счастье и горе конкретного человека, непреходящи лишь общечеловеческие нравственные ценности, непреходящи, пока живо человечество. Они настолько прочны, что великий Пушкин восклицал: "К чему бесплодно спорить с веком? Обычай - деспот меж людей!" Да, нравы - в определенном смысле "деспоты", не только потому, что прочны и общезначимы, если носят общечеловеческий характер, но и потому, что они - "боль жизни, боль сердца", как сказал русский философ и писатель В.В. Розанов. Наверное, еще и поэтому нравственность, мораль является стержнем мировоззрения. "Боль сердца" человеку ближе и понятней, чем "боль разума".

Нравственная компонента мировоззрения неоднозначна на жизненном пути человека, ее роль различна в течение жизни. С приобретением жизненного опыта роль нравственности в мировоззрении возрастает и на уровне обыденного сознания оформляется в "житейскую мудрость". Характерно в этом плане высказывание уже упомянутого здесь В.В. Розанова. Он писал: "Больше всего к старости начинает томить неправильная жизнь: и не в смысле, что "мало насладился" (это совсем не приходит на ум), но что не сделал должного. Мне, по крайней мере, идея долга только и начала приходить под старость. Раньше я всегда жил "по мотиву", т.е. по аппетиту, по вкусу, по "что хочется" и "что нравится". Идея "долга" никогда даже на ум не приходила. Только читал в словарях на букву "Д". Но не знал, что это, и никогда не интересовался. "Долг выдумали жестокие люди, чтобы притеснять слабых. И только дурак ему повинуется", так приблизительно я думал".

Человек всю жизнь формирует свое мировоззрение, пересматривает его элементы, меняет местами приоритеты тех или иных его составляющих. Мировоззрение - не застывшая картина, оно разнонаправлено, преемственно. Эти положения относятся и к нравственной компоненте, но при всех ее изменениях, ведущая роль тех или иных нравственных установок в мировоззрении сохраняет свое значение. Изменчивость же мировоззренческих установок подтверждает тот факт, что учиться никогда не поздно, и не только не поздно, а просто всегда необходимо, в том числе и в области морали и нравственности. Также полезно помнить, что жизнь и культура - куда составной частью входит и философия - лучшие учителя на пути приобретения житейской и нравственной мудрости.

Мифологическая форма мировоззрения

Исторически первой духовной формой, в которой человек начинает осознавать себя и окружающий его мир, был миф. Мифотворческую ступень развития мы можем проследить у всех народов. Для некоторых - период господства мифологических образов остался пройденным этапом, и этот тип мировоззрения был вытеснен религиозной, философской, научной формами объяснения мира. Но существует множество народов, для которых древний способ осмысления социальных и природных явлений остается не только приемлемым, но и вполне достаточным.

Можно встретить мнение, что миф - это примитивная форма духовного освоения мира, которая является следствием неразвитости умственных способностей первобытного человека. Предполагается, что в качестве мировоззрения миф исторически изжил себя и в современном цивилизованном обществе может сохраняться только фрагментарно, случайно, из-за чьего-либо невежества или на уровне художественной фантазии и художественного образа. На наш взгляд, мифология и сегодня имеет вполне самостоятельное значение и смысл, мирно сосуществует и переплетается с другими формами освоения мира - философией, наукой, религией, искусством, политикой и каждодневной практикой современного человека. Миф - это не выдумка и не пустая фантазия, он рождается из самой жизни, из ее реальной повседневности, которая является причиной напряженных эмоциональных переживаний.

В переводе с греческого миф означает "рассказ", "предание", "слово". Мифология как собрание мифов - это специфическое мировоззрение, возникшее в глубокой древности. Для первобытного человека миф всегда был подлинной действительностью. Он выражал происходящие в природе и в коллективе явления, отчасти неправильно понятые, преувеличенные и искаженные, но от этого не менее реальные. Большая половина всей мифологии представляет собой воспроизведение обыденных фактов ежедневной жизни в вымышленных рассказах о происхождении и причине этих фактов. В этом древнем способе объяснения мира мы можем найти зачатки научных знаний, религиозные и нравственные предания, господствовавшие в родовой общине. Вымысел, вера и знание переплетаются в мифе, но его сущность не сводится ни к одному из них.

Миф нельзя рассматривать как первоначальную форму науки, философии или религии - это особый вид мироощущения, специфическое конкретно-чувственное, образное, единое и неразделяемое представление о явлениях природы и общественной жизни. Мифотворчество возникает не из любознательности, а из жизненной потребности преодолеть господствующие над человеком силы природы

и коллектива и связанные с этим переживания (чувства зависимости, подчиненности, страха, надежды, тоски и ожидания). Поэтому миф – это прежде всего санкционирование определенного поведения, оправдание каких-либо "священных" установлений. Он являлся надежным опытом, передаваемым из поколения в поколение, был объектом поклонения и образцом для воспроизведения.

В мифотворчестве первых людей мы сталкиваемся не с рациональным, строго логическим объяснением мира, а скорее с эмоциональным переживанием их собственных действий в этом мире. Первообытный человек привносит свои переживания, эмоции и намерения в объекты природы, в результате чего последние становятся живыми, чувствующими и стремящимися существами. Создавая мифический образ естественного мира, древний человек тем самым облегчал себе его понимание, преодолевал страх перед неизвестными, чуждыми, непредсказуемыми явлениями, учился находить взаимосвязь между ними и собой. И он с успехом достигал этого, не заботясь о логической и эмпирической достоверности своих умозаключений, но проводя аналогию с той личной жизнью, которую ощущал в себе самом, преувеличивая те стороны событий, которые вызывали наиболее сильные эмоции и переживания. Эти особенности древнего мифа во многом являются результатом неразвитости сознания первообытного человека. Оно было непосредственно включено в предметную деятельность, не было способно в полной мере различать слово и вещь, предмет и знак, причину и следствие. Человек этого периода безразличен к временным отношениям и противоречиям, а его рациональные способности познавать неотделимы от эмоциональных переживаний. Поэтому в мифологической картине мира полно фантастического, чудесного, волшебного.

Древние люди, не видя и не осознавая различия между явлениями природы и живыми существами, отождествляли их, оживляя и одушевляя все вокруг. Для дикаря весь мир был наполнен личными душами, то парящими в воздухе, то обитающими в деревьях, скалах и водопадах и передающими этим материальным вещам свои личные свойства. Подобные представления об одушевлении всего мира имеются и в ранних понятиях ребенка. Первое, что доступно детскому пониманию, - это существа человеческие (родители и родственники). Поэтому, первым объяснением всего происходящего вокруг является такое, как будто стулья, палки, куклы приводятся в движение той же личной волей, что управляет действиями людей и животных. Даже у взрослых людей в минуту жестокой боли или какого-либо разочарования появляется желание ударить или укусить безжизненный предмет. Для древних стремление отомстить или умиловить, задобрить неодушевленный предмет проявлялось не только в виде импульсивной привычки, но и в формально установленных законах и правилах, сохранивших свою жизнеспособность в течение многих тысячелетий. Например, в древней Греции происходили целые судебные процессы над неодушевленными предметами: камнем, топором, куском дерева и т.д. В том случае, если они подвергались осуждению, то выбрасывались за пределы города. В староанглийском законе записано, что не только животное, убившее человека, но и переехавшее колесо, убившее при падении дерево, отдаются богу. В Англии также известен трогательный обычай оповещать пчел о смерти хозяина или хозяйки. В Германии необходимо известить о случившемся всех домашних животных, чтобы они могли разделить скорбь по усопшему.

В первообытной культуре имело место единство мифа и обряда. Мифологический образ мыслей предполагал мифологический образ действий, что выражалось в танцах, жестах, ритуалах. Именно в этих действиях находило свое непосредственное выражение чувство единства с силами природы и стремление овладеть ими. Это слияние с природой, покорение ее в мифологическом воображении и обрядовом действии вселяло уверенность, укрепляло волю, спланивало первообытный коллектив, активизировало его деятельность, заставляя верить в осуществимость всего желаемого.

Мифотворчество представляет собой в полном смысле слова коллективный труд. Мифы древности утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, поддерживали определенные нормы поведения. Они являлись выражением коллективной всеобщности и целостности, были направлены на внушение чувства единства между членами коллектива и чувства сопричастности с мировым целым. Господство мифологического мировоззрения предполагает растворение индивида в коллективе, его обезличенность. В мифе коллективные представления, чувства и переживания преобладают над индивидуальными, господствуют над ними.

Миф способствовал организации коллектива, содействовал сохранению его социальной и социально-психологической монолитности. Он воспринимался как священное слово, возмеченное оракулом, а значит имеющее силу доказательства, предписания, закона. Миф всегда был предметом веры, а не критики. К его образам, истинам, ценностям, нравоучениям относились как к реальности высшей формы. Эта черта мифотворчества значительно сближает мифологию с религией и наоборот противопоставляет ее науке.

О мифологической вере можно говорить в довольно условном смысле, т.к. сознание древних не различает веру и знание. Мифологическое мировоззрение существует до осмысления их противоположности. Миф - это своеобразное видение мира, в котором реальное сливается с фантастическим. Он представляет собой творение с помощью воображения иной действительности - субъективной и иллюзорной, но к которой относятся как к подлинной, реальной, включающей в себя как

часть и человеческое существование. Миф не противопоставляет идеальное и реальное, не проводит различия между чувственным и сверхчувственным, между индивидуальным и всеобщим, между символом и самой вещью, Религиозная же фантазия отличает идею вещи от самой вещи, изображение от изображаемого, символ от символизируемого, противопоставляет сверхчувственное чувственному, сверхъестественное естественному, она предполагает различие между верой и знанием.

И тем не менее религия никогда не расстается с мифологической формой, наполняя ее своим специфическим религиозным содержанием о временности и вечности, о телесности и духовности, о творении, грехопадении, искуплении, спасении и т.д. Связующим звеном между религиозным и мифологическим мировоззрением является вера в созданные фантазией образы и надежда, связанная с ожиданием чуда.

Наука же наоборот всегда претендовала на полную свою противоположность мифу. Древняя наука не является прямым порождением мифологии, но всегда сопровождается ею. Во-первых, и наука, и мифология пытаются ответить на одни и те же вопросы: "Как?", "Почему?", "Откуда?" Во-вторых, мифология, являясь первой формой духовного освоения мира, накапливает первоначальный материал для последующих научных обобщений и сомнений. В-третьих, древняя наука рождается в форме мифа, о чем убедительно свидетельствуют древнегреческие трактаты. Но она уже с самого начала отличается от традиционной мифологии, знакомой нам по литературным источникам. В науке всегда присутствует стремление к логическому обоснованию, к фактологическому подтверждению выдвигаемых истин, она строит абстрактные умозрительные конструкции, в которых нет места эмоциям. В мифе чувства преобладают над интеллектом, эмоции – над мыслью, волевые импульсы – над сознанием. Рассудочные моменты, характерные для познания, сопутствуют мифу, но не составляют его сущности. Миф проще для восприятия, он наивнее и непосредственнее науки, он насыщен эмоциями и реальными жизненными переживаниями. Он не претендует на логическую и опытную достоверность. Хотя в целом рационально-логическое мышление составляет противоположность мифосознанию, тем не менее, оно не лишено элементов образного, в том числе, мифологического мышления. Наука при всем своем стремлении к объективности, обоснованности, независимости от личностного пристрастия, никогда не может полностью очиститься от субъективности. Творческий научный поиск результативен именно тогда, когда он в полной мере вбирает в себя всю палитру эмоциональных переживаний ученого, его надежды, ожидания, страх, отчаяние, веру в неоспоримость используемых аргументов. Даже современная наука может служить основой для мифотворчества. Ученый зачастую творит миф по всем традиционным правилам, выдавая желаемые результаты за действительные, либо преувеличивая значимость и расширяя границы применимости своих открытий, или просто связывая перспективы научного развития только с одним из возможных вариантов, заранее объявляя все прочие заблуждением. Ярким примером такого околонучного мифотворчества была биология Лысенко Т.Д., абсолютизирующая мичуринское учение о роли среды и селекционного отбора в изменении видов растений и объявляющая генетические исследования лженаучными.

Такого рода мифы – результат чисто личной заинтересованности, не всегда осознанной, но всегда присутствующей в научном поиске. Науку делают люди, одержимые желанием найти философский камень, создать вечный двигатель, установить в обществе всеобщую справедливость или найти загадочную Атлантиду.

В силу этого научное знание никогда не сможет полностью вытеснить исключительно личностную форму своего выражения – миф. Со временем эта мифическая сторона научных построений рассматривается как заблуждение и преодолевается новой научной теорией. Так, механика Ньютона построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Евклидова геометрия – на аксиомах, которые являются очевидными в нашем земном пространстве. Сами по себе эти научные теории не содержат ничего мифологического, фантастического и чудесного. Научные построения исключают миф, но идея приложения и распространения научных выводов может быть мифологична. Убеждение в том, что никаких других пространств кроме пространства Евклидовой геометрии не существует, или, что законы механики приложимы к общественной жизни и могут объяснить устройство человеческой души (механистический материализм XVII в) – это уже мифы. В этом же смысле мифологична и идея бесконечного прогресса в обществе, когда ее связывают исключительно с научно-техническими достижениями. Воплощение идеи всеобщего равенства и справедливости скорее похоже на ожидание чуда, чем на научно-обоснованное предвидение равенства разнообразных человеческих запросов, потребностей, интересов. В современном мифотворчестве, также как и в древности, переплетаются и отождествляются два плана жизни человека: один – реальный, повседневный, практический – внешне-исторический план; второй – план внутренних замыслов, целей, ожиданий, надежд, преднамеренностей. Каждый заинтересован, чтобы этот внутренний план не был пустой фантазией, а воплотился в реальную жизнь. Но когда происходит процесс осмысления внешних условий реализации задуманного, то в силу вступает целый ряд мыслительных способностей: понимать и объяснять, проводя аналогии, строя ассоциации, создавая метафоры, высказывая догадки и предположения о реальном ходе вещей, который далеко не всегда столь уж очевиден. Страстное желание воплотить в реальность все замысленное, страх,

что это может не осуществиться, нередко приводит к тому, что чисто мыслительные ассоциации принимаются за действительную связь вещей. Человек бескорыстно начинает верить в предсказанный им самим ход событий, в обязательность предугаданного им результата. Он отождествляет два плана своей жизни, наделяя внешний чертами и свойствами, выведенными исключительно в сфере мыслительных ассоциаций, под влиянием чисто личной заинтересованности. Таким образом возникает миф, который содержит в себе черты реального мира, с идеальными свойствами и отношениями, которые воспринимаются человеком как действительно существующие.

Присутствие мифологических образов в мировоззрении современного человека не связано с его невежеством. Миф рождается в самой жизни, наполненной переживаниями реальных взлетов и падений, оправданиями неудач и предчувствием побед. Он возникает из потребности компенсировать то, чего люди лишены. Для мифологического сознания, которое отождествляет желаемое с действительным, ничего невозможного нет. В воображении и с помощью воображения возможно решительно все, в том числе освободиться от оков бытия, от внешней необходимости, резко изменить свою судьбу, неожиданно стать счастливым, преодолев противоположности между мечтой и действительностью, идеальным и реальным, вечным и временным. Именно эти грезы, надежды, ожидания воплощают в себе мифы "о рае", "о золотом веке", "о земле обетованной", "о господстве человека над природой", "об идеальном государстве" и т.д.

Выдающийся русский мыслитель, исследовавший особенности древнего и современного мифотворчества, А.Ф. Лосев причину жизнеспособности мифологической формы мировосприятия связывал с потребностью человека надеяться на чудо, ожидать чудесного (8). Именно в мифотворчестве воплощается стремление человека самому творить чудеса в своей повседневной жизни, философия и наука разоблачают чудо, рождаясь из сомнения в его возможности. Религия же предполагает чудесное, но утверждает, что человек не способен без помощи бога совершить его. И только миф позволяет верить в собственные возможности, совершить чудо.

Трудно сказать, плохо или хорошо, что современный человек не расстается с мифотворчеством. Он не только создает новые мифы, верит в мифы, которые создают для него, но и с радостью пользуется сведениями, черпаемыми из древней мифологии. В составе современного обыденного сознания мифологическая фантазия прошлых тысячелетий присутствует в виде сказок и мифологем. Мифологема – это часть мифа или мифологический образ, который либо становится предметом суеверий (образ черной кошки, чертовой дюжины, рассыпанной соли, которая грозит ссорой, домового и т.д.), либо превращается в расхожие фразы ("Нить Ариадны", "Ахиллесова пята", "Авгиевы конюшни" и пр.). История XX столетия породила и целый ряд своих собственных политических и околонучных мифов. К их числу можно отнести идею превосходства одной расы над другой и идею улучшения породы в рамках одной расы селекционным отбором; целую группу политических мифов, рожденных фашистской Германией и социалистической Россией, огромное множество псевдонаучных мифов о паранормальных явлениях, об экстрасенсах и гипнотизерах, о лекарственных средствах, которые являются панацеей от всех болезней и т.д. Эти мифы по силе и характеру влияния на массовое сознание мало отличаются от первобытных мифологических стереотипов, сохраняя в себе все прежние характеристики этого типа мировоззрения.

Современному мифу уже не свойственно одушевление окружающего в его первобытной форме, но присуща фетишизация. Это явление имеет место, когда вещь или человека наделяют сверхъестественными свойствами, превращают в предмет безусловного признания и слепого поклонения. Современный миф выполняет, в некотором смысле, и схожие с древним мифом функции. Он является, своего рода, околонучным систематизатором знания. Сегодня, также как и в прежние времена, миф призван создать целостность мироощущения, объяснить непонятное, ликвидировать страх перед загадочным явлением, вселить надежду и утешить посреди хаоса бытия. А в силу этого, миф все также остается, прежде всего, предметом веры, а не рассуждений об истинности и реальности фактов.

Спустя некоторое время, когда тот или иной политический или околонучный миф теряет свою магическую силу влиять на сознание человека, создается впечатление, что кто-то, откровенно заинтересованный в формировании иллюзорных стереотипов, злонамеренно обманывал окружающих. Но современный миф, также как и первобытный, остается продуктом коллективного творчества, и мы сами являемся полноправными творцами своих иллюзий.

Можно выделить, по крайней мере, две причины живучести мифологических образов в массовом сознании. Первая – это неспособность человека достичь информационной целостности, "полузнайство". Основную роль здесь играет пассивная, отстраненная от всего позиция человека, ушедшего исключительно в свой мир, свои узкие проблемы. Следствием этого является безграничная уязвимость сознания перед современной информационной техникой. Второй причиной является потеря социальных идеалов, отсутствие организующих идей, способных обеспечить мировоззренческую целостность человеческого сознания. Такая потеря может быть лишь временной, кажущейся. Тем не менее, именно сейчас мы переживаем такой момент – кризис традиционных нравственных и социальных ориентиров, разочарование в политических лидерах, которые еще недавно были объектами всеобщего поклонения. Многие, ощущая свою социальную незащищенность, субъективно переживают безвыходность, безысходность своего положения. И отсюда стремление поверить в ту идею, которая в большей степени

может обнадежить, которая может универсально оградить от всех бед сразу, несмотря на ее иллюзорность и беспочвенность. Именно в такие моменты у людей возникает неодолимая потребность верить в миф и создавать миф.

О взаимосвязи и специфике религиозного и философского мировоззрения

Исторически и философия, и религия возникают на основе мифологического мировоззрения как результат его критического осмысления, как ответ на сомнение в достаточности и неоспоримости мифологизированного мира, норм его жизнедеятельности и правил поведения.

Уже на этапе мифологического мировоззрения человек испытывает потребность гармонизировать свои отношения с миром, искать смысл бытия. Мифосознание воспринимает и отражает мир как единое целое. Мифологизированный человек не противопоставляет образ вещи самой вещи, идеальное - реальному, не проводит различия между чувственным и сверхчувственным. В священных для него мифах и связанных с ними ритуалах первобытные люди одинаково поклонялись и естественному, и воображаемому, ибо для них это воображаемое было реальным. Мифосознание возникает не только как результат страха, подавленности и бессилия человека, но и как мечта, как его надежда на овладение силами природы. С помощью мифологических образов наши далекие предки мечтали "подружиться" с природой, с враждебным для них окружающим миром.

Ранние религиозные представления (существенно более ранние, чем философия) зародились, примерно, 40-50 тысяч лет назад, на относительно высокой ступени развития первобытного общества (каменный век). Раннее религиозное сознание еще мифологично. Мир для него существует как определенная заданность. И на этой стадии развития человек живет слитно с природой: не противопоставляет себя не только вещам, предметам и процессам, но и миру в целом. В этом "растворении" человеческий разум еще не посещают сомнения. Вопрос "Почему так?" пока не задается. Жизнь определяется вековыми традициями, раз и навсегда установленными правилами: подчинение индивида роду, младшего - старшему, рядового члена - авторитету главы рода, слабого - сильному... Индивид настолько коллективен, что его как личности, самостоятельной единицы еще нет. Формирующееся сознание направлено на подражание, для него пока достаточно "не выбиться из стаи", делать "как все" и "как всегда".

В связи с тем, что природа противостояла человеку своей мощью, силой, неумолимостью, у людей возникло, а затем и утвердилось инстинктивное ощущение наличия за непознанными и неуправляемыми силами всемогущего и вездесущего существа, превосходящего человека по своей значимости, творческой силе и влиянию на мир. Бессилие и страх перед природными явлениями подкреплялся и беспомощностью перед стихийными, неуправляемыми силами общественного существования: голод, смерть, право сильного, более удачливого, войны, гнев и милость тирана... Невольно возникали вопросы: Что или кто стоит за всем этим? Как жить? Кому и чему подчиняться? Кому верить свою жизнь и во имя чего это следует делать? Религия возникает для умилоствления и умиротворения сил, стоящих выше человека, сил, которые направляют и контролируют ход природных явлений и человеческой жизни. Крупнейшие исследователи религиозного сознания З. Фрейд и Дж. Фрэзер отмечали, что религиозные представления произошли из потребности защитить себя от подавляющей сверхмощи природы, необходимости "компенсировать дефекты культуры и наносимый ею вред, вести счет страданиям, которые люди причиняют друг другу в совместной жизни, следить за предписаниями культуры, которым люди так плохо подчиняются".

Более позднее религиозное сознание - монотеистические религии - уже отделяет сферу бога от сферы человека. В отличие от ранних религиозных представлений бог и человек противопоставляются друг другу как разные стороны бытия. Такое противопоставление явилось результатом личностного становления человека, стадией вызревания его самосознания и формирования как самостоятельного субъекта деятельности. Монотеистическое (монотеизм - единобожие) религиозное мировоззрение стало реакцией на несостоятельность, архаичность мифологизированных форм существования. Оно отразило зарождающееся сомнение в их правильности и достаточности.

Разделение мира на сферу человеческого и сферу божественного, которого не существовало на мифологическом уровне, поставило человека перед задачей осмыслить свое существование, исходя уже из новой реальности: раздвоения мира и потребности его гармонизации, обретения иного, чем прежде, смысла личностного бытия, ориентированного на бога. Формируется система догм, предписаний, данная как откровение избранным, в которой расписаны все нормы праведной жизни и отношений человека с внешним миром, миром Абсолюта (от латинского *absolutus*, греческого *demiurgos* - созидательная сила, безусловный творец).

Таким образом, реальный предмет религиозного мировоззрения составляет не внешний мир, и даже не идеи об отношении человека к богу, а силы и способности самого человека, но представленные

вне и независимо от него, как силы и способности другого, нежели он сам, существа.

Религия зафиксировала, отразила противоречивость и разорванность внутреннего духовного мира человека, дисгармонию между индивидом и действительностью. Она возникает как компенсация этой психологической и социальной противоречивости. Через систему предписаний и запретов, которые регламентируют поведение человека в его отношении к обществу, семье, другим людям, она ставит целью - восстановить единство внутреннего мира человека.

На протяжении столетий религия более или менее эффективно использует в своей мировоззренческой системе смысложизненные ориентиры, выраженные в таких понятиях как "судьба", "жизненный путь", "счастье", "доля", "любовь", "цель жизни" и другие. Именно через них задается основное направление религиозному сознанию и формируется путь жизнедеятельности человека и общества - с точки зрения религии единственно истинный и оправданный.

Всякая религия проникнута непоколебимой верой в "откровение", в его абсолютную значимость. Она допускает фантастическое, магическое и чудесное, но отличает фантастическое от действительного, разделяет их. В то же время она испытывает дискомфорт от расхождения между идеальным и реальным, поэтому и обязывает жить согласно своим идеальным нормам, требует соблюдения определенного рода обрядов и запретов – ведь без них божественный идеал недостижим.

Притягательность такой системы взглядов во многом определяется тем, что религия "работает" больше с чувственной, эмоциональной, глубинной, в определенной степени бессознательной, стороной человеческой личности на основе безусловной веры. Религиозная вера придает верующему жизненную устойчивость, оформляет и усиливает все ценностно-значимые духовные установки: уважение к традиции, личную доблесть, уверенность в борьбе с жизненными трудностями, мужество перед лицом смерти и т.д. Вера, как атрибут религии, обладает огромным социальным значением, оформляется и поддерживается в религиозном культе и религиозном церемониале.

Чтобы лучше понять истоки религиозного сознания, имеет смысл обратиться к русской религиозной философии, опереться на ее авторитеты. По мнению религиозного мыслителя С.Н. Булгакова направление, в котором следует искать ответ на вопросы "что такое религиозное сознание? и как возможна религия?" дано уже в самом слове *religio* (связь, связывать, соединять). "В религии, - писал он, - устанавливается связь человека с тем, что выше человека. В основе религиозного отношения лежит основной и неустранимый дуализм: в религии, какова бы она ни была в своей конкретной форме, есть всегда два начала, два полюса. Религия всегда есть раздвоение человека с самим собой, отношение его к себе как к другому, но связанному, соотносящемуся с этим другим. В религии человек ощущает, что его видят и знают, прежде чем он сам себя узнал, но вместе с тем он осознает себя удаленным от этого благого источника жизни и стремится установить с ним связь. Религия есть опознание "Бога и переживание связи с Богом". Эту же самую мысль выражает другой отечественный философ М.К. Мамардашвили: "Предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье – это символ, соотносительно с которым человек исполняется в качестве человека. Человек не создан природой и эволюцией. Человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. И вот эта непрерывная созидаемость и задана для него в зеркальном отображении самого себя, символом "образа и подобия Божьего". Никогда человек не назвал бы ничего Богом, если бы в нем уже не действовала сила, которую он вне себя назвал Богом".

Данные философами определения ничуть не противоречат общепринятому в атеистической литературе определению – что суть религии, как уже отмечалось, в "удвоении" реальности: наряду с действительным, чувственно осязаемым миром, она признает мир сверхъестественный, божественный, "церковь небесную" по выражению Августина Блаженного. Но такая характеристика позволит нам приблизиться к природе религиозного переживания лишь в том случае, если мы сможем понять, как человек, будучи в здравом уме и не страдающий болезненным раздвоением личности, способен почувствовать и осознать свою раздвоенность, свою соотношенность с собой, но как с другим, сопричастным некоему Высшему началу. Испытывая потребность осмыслить свое "Я", свои принципы, идеалы, вкусы, свой духовный опыт и нравственный потенциал, он обращается к своему внутреннему миру, тем самым через себя и в себе открывая иное, отличное от природы, бытие. Он открывает мир свободного духа. Конечно, это открытие своего "второго Я" еще не тождественно идее или признанию Бога, но наш внутренний духовный мир красноречиво говорит о реальности духовного измерения, соотношенности его с идеальным бытием, подобно тому, как наше тело свидетельствует о факте материального бытия. Двойственность человеческой природы, ее противоречивость и противопоставленность совершенно реальны, они не являются плодом больного воображения. Мыслить себя существом более высокого порядка, чем "червь земной" /Ф.М. Достоевский/ совершенно естественно для человека. В этой ориентации для части людей в качестве идеала, духовного совершенства может выступать только абсолютно "чистое", неземное – Бог.

Религиозное мировоззрение в ряду других занимает свою "экологическую" нишу и вряд ли когда-либо исчезнет. В конечном счете, общество в определенной степени заинтересованно в функционировании института религии, поскольку она помогает верующему сохранить мир и гармонию во взаимоотношениях

между людьми, компенсировать личную неудовлетворенность, психологическую неспособность преодолевать многие жизненные перипетии. Хотя такие компенсации часто носят иллюзорный характер, они не уменьшают факта умиротворяющей роли религии. Вышесказанное частично объясняет жизнеспособность религиозного сознания на протяжении многих столетий. И все же, являются ли эти причины достаточными, чтобы понять современный ренессанс религии, рост числа верующих? В настоящее время можно, в известном смысле, даже говорить о религиозном буме, который, с одной стороны, выражается в значительном расширении форм и методов религиозной деятельности, в том числе и внецерковной, с другой – в растущей симпатии к церкви и к верующим со стороны людей, ранее достаточно "прохладно" относившихся к религии.

Возможно, обращение к Богу сегодня является для некоторых всего лишь формой вызова "научному" атеизму и упрощенному материализму, которыми "кормили" наше общественное сознание на протяжении более 70-лет, и возрождение религиозного мировоззрения – это своеобразный процесс очищения, отталкивания всего порочного, разрушающего личность, того отрицательного, что несло революционное время и связанное с ним насилие. Следует также отметить, что взорванная революцией русская христианская культура взывает к справедливому и вдумчивому к ней отношению. Востребованность ранее малодоступного духовного наследия В. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева, Л. Шестова, Н. Лосского, П. Флоренского, Н. Федорова и других становится вполне объяснимой как потребность устранить этот пробел, познакомиться с философской интерпретацией сущности русской культуры, русского менталитета, чтобы лучше понять себя, свою историю, дальнейший путь развития. Данная потребность и обращенность носит необязательно религиозный характер, но знакомство с теоретическим духовным наследием прошлого может являться фактором, способствующим становлению религиозной ориентации, особенно в среде ищущей молодежи и интеллигенции.

Оживление религии может быть связано и с обращением к ней на уровне моды, включением религиозной обрядности в жизненный стиль как дополнительного, ранее запрещенного элемента жизнедеятельности. Социальные и психологические мотивы данного явления могут быть различны. Некоторые считают, что это современно, оригинально; другие обращение к религии рассматривают как проявление "истинно русского духа", как удовлетворение эстетических потребностей – возвышенно, трепетно, – не доступных в повседневной жизни, или как индугенцию прошлых и возможных грехов. Обращение к богу и обрядности ряд людей практикует из чувства, родственного первобытному страху: "на всякий случай", "а вдруг что-то есть", тем более, что уже не наказуемо, уже можно. Мотивы, как видим, неоднозначны, но вряд ли следует в данном случае их рассматривать как "всплеск" истинной религиозности. Скорее, это чисто подражательное, поверхностное явление, создающее лишь видимость роста религиозного сознания.

Более глубокие основания, очевидно, следует искать на уровне психологии и духовных запросов человека. Приходится констатировать, что у значительной части людей сохраняется потребность именно в религиозном осмыслении действительности. Религиозные представления являются одной из форм духовно-практического освоения мира, более доступной, чем какая-либо другая. Религия, являясь частью культуры, синтезирует, вбирает в себя все разнообразие духовного творчества – философский, этический, эстетический, исторический аспекты. Поэтому приобщение к религии позволяет, особенно обычному человеку, компенсировать, а возможно и вовсе снять чувство отчужденности от общечеловеческого культурного наследия, восполнить духовный вакуум, образующийся в результате самых разных причин. Но почему именно религия, а, допустим, не философия? Полагаем, потому, что обращение к Богу интеллектуально – проще, доступнее; лично – интимнее, исповедальнее; психологически – умиротворяюще, облегчающее душу, снимающее страх перед грядущим...

Конец века, конец тысячелетия принес человечеству множество проблем, существенных для его будущего: изменение социальных ориентиров, связанных с несостоявшейся идеей мирового господства социализма и коммунизма; угроза существованию в результате разрушения природной среды обитания или ядерной войны; сомнительные в моральном отношении научные эксперименты; разгул страстей и уход в мир бытия, из которого исключен разум. История показывает, что человек или человечество, исключаящее разум из своей деятельности, избирают путь самоуничтожения. Уповать в этой ситуации действительно остается лишь на Бога, надеяться, что Всевышний не оставит своей милостью, выведет "заблудших" на путь истинный. Свято место, как говорится, пусто не бывает. Вера начинает заменять разум, и религиозные ценности занимают пустующее место социальных идеалов.

Ради истины необходимо отметить, что если человечеству приходится выбирать между духовным опустошением и религиозными ценностями, то предпочтительнее все-таки религиозность. Лучше самообман, иллюзорность, чем самоуничтожение, тем более, что человек все равно не может существовать без иллюзий, без надежды, без упования (как тут не вспомнить вопрос И. Канта: "На что я могу надеяться?"). Только нужно избегать крайностей – поработавших личность полностью религиозных сект, фанатизма, мракобесия, религиозного шовинизма и сепаратизма и прочего зла, от которого и этот путь, к сожалению, не застрахован. Историческая необходимость конца 20-го столетия, выражающаяся в провозглашении приоритета общечеловеческих ценностей, в сближении культур Запада и Востока, в

вовлечении всех стран и регионов в единый процесс сохранения человечества, жизни на земле, повышает статус и значимость религии, остающейся для большинства населения планеты господствующим мировоззрением.

В жизни человека вполне можно найти конкретные явления, не укладывающиеся в рамки повседневной житейской обыденности. Жизненная реальность часто приводит человека к размышлениям, выходящим за рамки каждодневных материальных забот, заставляя воспринимать собственное существование в другом, более глобальном смысложизненном измерении. Тогда человек и обращается либо к искусству, либо к философии, либо к религии. Обращается для того, чтобы выразить ощущение своей причастности к общей истории, к культуре, к исканиям духа. Люди хотят оставить свой след в жизни, им трудно примириться с мыслью, что их существование заключено только в строгие рамки индивидуального жизненного отрезка времени. Поэтому непереносимым условием личностного развития человека является осознание и переживание субъективного времени как момента непреходящей истории человеческого рода, а смысла своего существования – как смысла человеческого предназначения в целом. Потребность решить смысложизненные проблемы, ставя их в плоскость общечеловеческого измерения, уже конкретный шаг к признанию некоего превосходящего отдельную человеческую жизнь начала. Можно не верить в Бога, как в творца, создавшего мир за шесть дней. Можно не верить в божественное провидение и "страшный суд", можно относиться к библейским сюжетам как к мифологическим образам, созданным на заре человечества. Но было бы высшей степенью невежества отрицать великую силу – силу духа человеческого, не сводимую к духовности отдельного человека, а тем более к его материально-практическому бытию, силу, творящую историю, культуру человечества в целом, выводящую человека за пределы его земного существования. Человек, который не может удержать слез, слушая музыку; художник, создающий произведение без надежды на признание и материальное вознаграждение; ученый, жертвующий своей жизнью на пути к открытию; мученик, идущий на смерть за свои убеждения; бойцы, погибающие, спасая знамя как символ чести полка – все они переходят рубеж природной необходимости и вступают в сферу реальности духовной. Только благодаря причастности к ней человек становится человеком в подлинном смысле этого слова.

Для части людей решение этих проблем не представляется без веры в Бога, которую они далеко не всегда черпают из чувства страха или по причине невежества. Иначе трудно было бы объяснить, почему верующими становятся широко и глубоко образованные люди, в том числе и естествоиспытатели. В качестве примера можно было бы привести немало имен знаменитых ученых и мыслителей, но этот факт известен, и нет необходимости перечислять фамилии. Здесь следует уточнить, какой смысл вкладывают многие ученые, называющие себя верующими, в понятие религиозности. Религиозность может быть различной в зависимости от понимания идеи Бога. Понятие Бога может включать в себя множество смыслов: для одних – Бог персонифицирован, он – личность: всесильная, грозная, недостижимая, невидимая, но реально действующая; для других, Бог – гипотеза существования некоего мирового разума, всеобщего целеполагания мирового развития; для третьих, он – вечная непостижимая, непознанная тайна бытия, та ускользающая сущность не сотворенной никем свыше реальности, которая приводит в тупик, в изумление перед её необъятностью и тем самым вызывает благоговейный трепет; для четвертых, Бог – высшая совесть и высшая справедливость, которые как бы выходят за рамки ограниченных человеческих возможностей, но без которых немислима жизнь и структура всего социального существования. Последний, нравственный аспект религиозности представляет наибольший интерес, поэтому несколько подробнее остановимся на этом вопросе.

Присвоение религией права на истинную и возможную лишь в пределах религиозной веры моральность человека не является таким бесспорным и определенным, как может показаться на первый взгляд. Целый ряд выдающихся мыслителей, в том числе и религиозных, убедительно показали, что религия и мораль – сферы, в определенном смысле не совпадающие, и даже существенно различные. Специфика нравственного сознания в том, что оно в своей максиме должно быть бескорыстно, не ориентировано на практический результат, предполагает полную свободу человеческих решений. Данное положение противоречит традиционным религиозным догмам, запугивающим то "геенной огненной", то вечным проклятием первородного греха, то установкой на полное подчинение Божьей воле и т.п. Современная теология вынуждена сглаживать этот библейский ригоризм (строгость, непримиримость). Более распространенным является утверждение: "Бог не порабощает человека, не сковывает его волю, а, напротив, дает ему полную свободу, включающую и возможность отвергнуть Его, искать своих путей". Эта мысль священника А. Меня, современного автора многих работ по теологии и философии религии, соответствует идее "свободного Духа" в философии Н. Бердяева, пониманию свободы В. Соловьевым. Уже упоминавшийся религиозный философ С.Н. Булгаков писал: "Следует прежде всего заметить, что говорить ещё о религии вдобавок к этике, которая сама себе довлеет, – прибегать к религиозной санкции там, где этическая вполне достаточна, представляется как будто излишним".

Действительно, прямой зависимости между нравственностью человека и его религиозностью или отсутствием таковой мы обнаружить не можем, несмотря на то, что Священное Писание содержит в себе целый ряд нравственных требований общечеловеческой направленности. Появились они как осмысление к

тому времени уже достаточно исторически длительного человеческого опыта. Столь же уязвимым оказывается представление о том, будто идея Бога обеспечивает вечный, неизменный характер моральных предписаний. Для этого достаточно изучить, каким реальным содержанием в разное время наполнялись моральные нормы. Например, заповедь "не убий" прошла несколько ступеней своего развития: от прямого мифологизированного табу (запрета) на употребление в пищу себе подобных к талиону: "око за око, зуб за зуб", а от него – "к золотому правилу нравственности": поступай по отношению к другому так, как ты бы хотел, чтобы поступали по отношению к тебе; и, наконец, до осознанного запрещения оружия массового уничтожения и смертной казни.

Многие выдающиеся проявления культурной жизни начинались в русле христианского мировоззрения, которое предложило новую шкалу ценностей, категорически осудив жестокость, насилие. В нем вызрели идея равенства, учение о "внутренней свободе", о совести, хотя далеко не всегда социально-нравственные программы религий и их проповедники подтверждали статус религии и церкви как святого, истинно морального образования. Можно привести множество примеров, когда религиозные концепции выступали оплотом мракобесия, жестокого угнетения, орудием реакционных политических сил.

Но мы так и не ответили прямо на вопрос: может ли быть атеистически ориентированный человек моральным? Может ли он черпать моральные силы из иного, чем Бог, источника. Безусловно, да, и таким источником является он сам, если осознал свою связь с другими людьми, признал их право на жизнь, на свободу, на равнозначность себе как представителю рода человеческого, понял уникальность и неповторимость каждого человеческого существа, необходимость считаться с ним, как с самим собой.

Отбрасывая крайности в оценке роли религии в истории культуры, необходимо отметить, что религиозное воспитание в духовной сфере общества и семьи всегда занимало столь же важное место, сколь неоднозначно и противоречиво было его воздействие на становление личности. Учитывая данное обстоятельство, современный человек, знакомясь с нравственно положительным религиозным опытом, должен воспринимать его не в абстрактно-теоретизированной форме, отстраненно от конкретной общественной практики, а в активной деятельности по утверждению идеалов любви, милосердия, добра, красоты. В данном случае нелишне знание истории религии, ее роли в культуре и историческом становлении человечества.

Религия была одним из решающих импульсов во многих исторических движениях. Принятие Азией буддизма, проповедь Евангелия в античном мире, распространение ислама, реформистское движение в странах Западной Европы и появление протестантизма стали историческими вехами в жизни человечества. Историческую судьбу России также невозможно понять, не учитывая значения принятия христианства и культурного значения Православия. Изучение истории религии, как воспроизведения последовательности событий во времени, предполагает рассмотрение и всей неоднозначности, противоречивости воздействия религии на культуру, на другие формы духовной деятельности, и прежде всего – философию.

Философия построена на совершенно других, чем миф и религия, основаниях. Это более позднее явление культуры. Первоначально философия еще сохраняет связь с мифом и религией: она использует их образы, вдохновляется их тематикой. В ранних философских теориях фантастическая мифологическая образность (например, вода у Фалеса, огонь у Гераклита, любовь и вражда у Эмпедокла) и рациональное осмысление, характерное для философии, тесно переплетались. И тем не менее, философия возникает как критика мифологии и связанных с ней религиозных представлений, как размежевание с ними, как новый тип мышления, основанный на разуме, а не на чувстве, на знании, а не на слепой вере.

Философию рождает не бесстрастное любопытство часов досуга праздного созерцателя, а острая и настоятельная потребность рационально (от латинского ratio – разум) разобраться в острейших проблемах жизнедеятельности человека и его связях с миром. Философия – рефлексивное знание. Рефлексивность – это способность мышления анализировать не сам предмет, а мысль о предмете. Таким образом, философия – такое знание, которое направлено не на само бытие, не на явление, как таковое, а на мыслимую концепцию бытия или явления. Рационализм и абстрактный характер философии заключается не в оторванности её от действительности, а именно в её рефлексивности, в том, что философия – это "мысль о мысли". С момента зарождения философии её предметом выступают не "наиболее общие законы мира в целом" (как обычно определяли её предмет), а поиски иных, чем прежние, оснований жизни человека, смысла его существования. Философские воззрения складываются в ходе критического переосмысления и преобразования того духовного материала, который был оставлен в наследство предшествующим развитием.

Мифологическое и религиозное мировоззрение – это формы группового сознания, основанные на культе и авторитете. Философская мысль самостоятельна, имеет личностное выражение. Первые греческие натурфилософы переориентировали внимание с богов на природу и сделали предметом изучения её саму и человека, как часть природы, а не религиозно-мифологическое сказание о богах. Они совершили скачок от мифа к логосу, от чувственного образа к отвлеченным понятиям, от религиозно-мифологической веры к философскому разуму. Хотя, как было уже отмечено выше, элементы религиозно-мифологических воззрений в их теориях присутствовали (например, гилозоизм – представление об одушевленности всех

окружающих предметов и явлений, об одушевленности первоначал бытия – воды, воздуха, алейрона, атома и т.д. или пантеизм – представление о мире как живом "божественном" существе, где творящая сила природы и есть Бог), но они не определяли ни характер, ни логику этих концепций.

Философия возникает тогда, когда вызревает необходимость личностного, индивидуализированного осмысления отношений между миром и человеком, тогда, когда авторитет, даже абсолютный, становится явно недостаточным, чтобы удовлетворить размышляющее сознание. Первые философы выстраивают новое видение мира, где не все так гладко и обустроено, где уже не свято традиционное, веками устоявшееся, где старые боги так же бессильны, как и заповеди жизни, ими предписанные. Человек был поставлен перед необходимостью радикальной переоценки отживших норм жизни и её оснований. Философия и рождается как результат этой работы.

Итак, общим для философии и религии является то, что будучи мировоззрениями, они выступают в качестве оснований жизнедеятельности. Муки одиночества, страх смерти, напряжение душевной жизни, вопросы: как жить? на что надеяться? куда двигаться? как строить отношения с людьми? на кого уповать? – заставляют искать ответы, пути выхода из непростых жизненных ситуаций. Мы уже отмечали, что для удовлетворения этих духовных запросов люди чаще обращаются к религии, чем к философии, и пытались ответить – почему? Дополнительно по этому вопросу приведем высказывание Н.А. Бердяева: "... Философия – самая незащищенная сторона культуры. Религия утешает, она дарит надежду на чудо, она обещает любовь. Философия же, напротив, будучи критичной по самой своей сути, нередко отбирает последнее утешение, выбивает человека из жизненной колеи, сеет сомнение, разрушает ранее устоявшиеся представления, ввергает в пучину противоречий. Она не умиротворяет, а как бы "взрывает" сознание личности, предлагая подойти к проблеме иначе, отбрасывая прежние стереотипы". Каждому ли индивиду тогда доступна и необходима философия? История культуры говорит о том, что в области теоретической философии никогда не жило большинство человечества, чаще она была просто не востребована, а то и гонима. А философскую потребность многие удовлетворяют именно через религию, потому что, как мы уже говорили, она психологически ближе человеку. Религия образнее и понятнее отвечает на общие с философией вопросы: что такое мир? как он организован? есть ли у мира разумное начало? кто я и что я? откуда мы пришли и куда мы идем? и т.д. Это только некоторые из мировоззренческих проблем, одинаково важных как для философии, так и для религии. Общая проблематика этих форм мировоззрения не случайна. Так как и та, и другая обращены к вечности, к универсуму. Предметом как религии, так и философии является вневещественное, непреходящее, надприродное, трансцендентное...

Философию и религию объединяет не только общая проблематика, но и аксиологическая (ценностная) сущность данных форм духовной деятельности. Их цель, их задача – не выявление закономерностей (этим занимается наука), а определение ценностного смысла бытия. Истина, добро и красота – главные общечеловеческие ценности – лежат в основе и философского, и религиозного мировоззрений. Приобщаясь к ним посредством религии или философии, человек ощущает себя существом, способным возвыситься над повседневной бытийностью. Для верующего – истина, добро и красота воплощаются в Боге, для атеиста – это вопросы философских размышлений.

Подводя итог сказанному, необходимо ещё раз отметить, что философия и религия – различные типы мировоззрения. Первая, как размышление, исходит из естественной реальности мира, из его "бытийности самого по себе", в том числе и его духовной сферы. Вторая – это ориентация на сверхреальное, потустороннее, сверхчеловеческое. Религиозное мировоззрение, выступая от лица абсолютного авторитета – Бога, не ждет и не требует от человека сомнения и разработки собственных представлений об общественных ценностях. Для человека с обыденным уровнем сознания, не поднявшегося до философского осмысления, религия – готовое "духовное блюдо".

Религия помогает преодолевать стресс и тревогу на основе апелляции к богу как отцу и защитнику, выполняя функцию утешения, которая не свойственна философии. Религия способствует социальному самоутверждению личности через причастность верующего к аналогичным переживаниям других людей, особенно во время религиозных обрядов. Истинно верующему не нужны философские теоретизирования, доказательства бытия Бога, ему не важны теоретические объяснения религиозных догматов. Религия, в отличие от философии, не только мировоззрение, но и ритуал, и обрядность, и церковная организация. Крупнейший специалист по философии религии Г. Гейфдинг отмечал, что, "произнося слово "религия", мы обыкновенно имеем в виду известное психическое состояние, в котором чувство и желание, страх и надежда, одушевление и преданность высшей воле играют более крупную роль, нежели размышление и исследование...".

Философское знание всегда движение, всегда развитие, философская мысль – собственное детище человека, рожденное в муках творчества, сомнений и колебаний, и, как любое дитя, требует взращивания, трудной работы. Любая философская концепция – лишь одна из возможных точек зрения, лишь один из ракурсов рассмотрения проблем, созвучных эпохе и культурологическим особенностям общества. Многообразие философских направлений, точек зрения, авторских систем означает не недостаток философии, не её аморфность и запутанность, как может представляться на первый взгляд, а

говорит о многомерности, противоречивости, неисчерпаемости, незавершенности природного и социального бытия, а также способности человека осмысливать эту многогранность и определять свое место, свое предназначение, опираясь прежде всего на собственные, а не потусторонние силы. Именно философия, а не религия выражает свободу человеческого духа, и именно философия, а не религия является "квинтэссенцией духовной жизни эпохи".

Мировоззрение, философия, идеология

Со времен перестройки в нашей стране стало как бы неприлично говорить об идеологии в положительном смысле. Уставшее от идеологического противостояния двух социально-экономических систем, от коммунистического идеологического пресса общество решило, видимо, избавиться от идеологии вообще. Но в запале борьбы со старым мы упустили из виду что-то очень важное, что-то не поняли, слишком глубоко впитав представление об идеологии как иллюзорном, неистинном социальном знании, обязательно ведущем общество в тупик.

Для того, чтобы уяснить, что на самом деле представляет собой идеология в современном смысле слова и какую роль она играет в жизни общества, необходимо вновь обратиться к мировоззрению как духовно-практическому способу освоения человеком окружающего мира, конкретнее, к дофилософским мировоззренческим формам. Изначально, являя собой систему представлений человека о мире, мировоззрение объясняло и определяло ему соответствующее место в природной и социальной реальности. На основе этих представлений строилась система социальных ценностей и норм поведения, обязательных для каждого члена сообщества. Только благодаря определенной схеме поведения, общей для всех, человеческий коллектив и мог существовать как некая целостность. Коллектив – это всегда в той или иной степени одинаковость взаимоотношений и деятельности людей. Таким образом, уже самые древние мировоззренческие системы представляли собой не только картины действительности, но и выполняли соответствующие регулятивные функции. Более того, и миф, и религия обладали примечательной особенностью: эти типы мировоззрения были средством, и довольно жестким, гармоничного (во всяком случае – в идеале) встраивания человека в окружающую природную и социальную реальность, они были образом жизни, единым для всех (отсюда – практическая направленность мировоззрения). Мировоззренческие ценности и нормы предписывали человеку и формы социального устройства, и формы хозяйственной деятельности, и даже распорядок повседневной жизни (что и когда есть, какие и когда приносить жертвы, как строить отношения в семье и т.п.). В подтверждение этого достаточно вспомнить нормы Шариата в исламе или Домостроя в православии.

Гносеологическим основанием дофилософских мировоззренческих систем являлась вера, вера мистическая, слепая, не признающая и тени сомнения в истинности мировоззренческих положений, имеющих силу догматов. И регулирующая функция данных типов мировоззрения осуществлялась через определенные социальные институты и организации, тесно связанные с мифическим и религиозным культом, в том числе и через государство, чья сила основывалась на этом же культе. Таким образом, и мифологическое, и религиозное миропонимание обладали собственными материальными каналами, через которые осуществлялось их регулирующее воздействие на общество. Формы государственного устройства, общественная и частная жизнь людей базируются на одном – на данных свыше предписаниях, священных и непререкаемых, крепко связывающих людей в некий социальный монолит.

Но ситуация стала меняться, как только религия начала терять силу, и, соответственно, основанные на единстве верований социальные узы стали ослабевать. Выделим две главные причины формирования этой новой ситуации. Первая – экономическая. Разрушение феодальных способов хозяйствования привело к появлению крепких, экономически самостоятельных субъектов. Экономическая независимость – основа свободы личности, возможность позволить себе жить несколько иначе, чем другие, возможность выбора своего образа жизни. Это очень важно – появление свободы выбора собственного жизненного пути. Наступает конец феодальной сословной иерархии, освященной религией и жестко определяющей человеку его место в обществе.

Вторую причину можно назвать философско-научной. С концом средневековья в Европе наступает период самоопределения и бурного развития науки, переживает небывалый расцвет философия. Духовное отношение человека к миру все более рационализируется. Старый Свет вступает в Новое время, открываемое эпохой Просвещения. На смену вере в могущество сверхъестественных сил приходит вера в могущество знаний. Девизом времени становится: "Знание – сила". Рост научного знания, философское переосмысление роли и места человека в мире, экономические преобразования все более приходят в противоречие с религиозным миропониманием, на котором покоится представление о должном социальном устройстве. Социальный "цемент" религиозной веры постепенно выветривается.

Логично было бы предположить, что социальные функции прежнего мировоззрения должна была перенять и реализовать философия. Но так не случилось, да и не могло случиться. Во-первых, философия

как духовная деятельность, как сфера чистой рациональности не обладает социальными институтами для насаждения в социуме представлений о мире. Самое большее, что может сделать философия в деле распространения собственных идей, – убедить, но не заставить. Во-вторых, и это самое главное, философия по своей природе не может служить делу единения общества. Самостоятельность, свобода – вот идеал философского отношения к действительности. Отсюда – критика, неприятие всего, что так или иначе препятствует осуществлению человеческой свободы: унификации человеческого бытия, догматизма, любого вида застоя. Стереотип противен философии. Мятежный дух свободы пронизывает философское миропонимание, философское знание рассчитано на Личность. Это не позволяет философским идеям воплотиться в образе жизни всех, или хотя бы большинства членов общества. Рациональное миропонимание, воплощенное в философии и науке, динамично, оно постоянно преодолевает себя. Переосмыслению подвергается не только природный мир, но и социальные нормы и ценности, и сама духовная реальность. Это приходит в противоречие со сверхзадачей существования любого общества – самосохранением, стабильностью. Не может существовать общество, где каждый – философ, видящий в соседе оппонента в мировоззренческих спорах. Достаточно представить себе предприятие, где члены трудового коллектива в рабочее время на рабочем месте реализуют собственные замыслы, работают по собственному плану, чтобы понять, как философские идеалы сталкиваются с реальностью, в данном случае, с необходимостью единства социального мира. Следовательно, в рамках нового мировоззрения неминуемо должен был возникнуть специфический феномен, компенсирующий социальные издержки рационализма, новая форма проектирования социальной организации и социальной деятельности, новый способ единения людей.

Эта новая форма духовно-практической деятельности человека появляется, примерно, в последней трети XVIII века. Имя ей – идеология. Она возникает в переломный для Европы период: в недрах феодализма укрепляет свои экономические позиции новый слой людей. Как это всегда было в человеческой истории, рано или поздно социальные группы, играющие важную роль в экономике, начинают претендовать и на ведущую роль в политике, на право управлять обществом, на власть. Эти претензии основываются на особом, собственном понимании должного социального устройства. Данные социальные слои формируют и предлагают обществу новую картину социальной реальности, как бы говоря: “Если вам нравится этот новый образ жизни, давайте воплотим его. Но кто-то должен руководить строительством нового мира. Дайте ему властные полномочия”. Таким образом, эти новые силы как бы берут на себя ответственность за социальное переустройство, ища поддержки у большинства членов общества. Идеология и возникает как выражение политических интересов, базирующихся на экономической роли тех или иных социальных слоев. Но претензии на политическую власть одних социальных групп всегда наталкиваются на такие же претензии других, в данном случае – социальных сил отходящего феодального общества. Социуму, поставленному в ситуацию выбора, противоборствующие стороны должны доказать свои права на власть. Господствующие сословия по-прежнему апеллировали к религиозным догматам, к идее богоданности власти, священности феодальной иерархии; новые классы, вынужденные искать новые способы обоснования своего права на руководящую роль, обращаются к философии и науке, стремятся к рациональному подтверждению своих притязаний. Философская критика религии, философское и научное доказательство естественности прав и равенства людей, экономические теории – вот с чем выступают против старого мировоззрения новые социальные силы. Обществу предлагаются определенные теоретические конструкции социальной организации, система иных социальных ценностей, и общество должно сделать выбор. Появление идеологии фиксирует факт вступления человечества в эру демократизации и означает, что различные социальные слои начинают осознавать свое право выражать в теоретической форме и реализовывать на практике собственные представления о наилучшем устройстве общественной жизни, означает появление в обществе реальной свободы выбора.

В обществе всегда циркулируют самые разные идеологические концепции, выражающие политические притязания различных социальных групп. Отсутствие в обществе идеологического выбора приводит к застою (экономическому, политическому, социальному), а в конечном счете, к вырождению идеологии, к превращению ее в некую форму социальной религии. В человеческих сообществах, где существует ничем не ограниченная, все подавляющая власть одной социальной группы, где идеология вырождается в псевдоидеологию, социальную религию, социальную мифологию, – умирает и философия. Иначе и быть не может. Философия свободна и, соответственно, плюралистична по своей сути. Она может существовать и плодотворно развиваться только там, где есть свободный дух. Не случайно, что исторически становление философии связано с появлением первых античных демократий. Этим объясняется и тот факт, что философская жизнь замирает в средние века, в эпоху господства религии и абсолютных монархий и в XX веке в коммунистических и фашистских государствах. Ведь философия – это всегда взгляд на мир свободного человека, свободного внешне и, главное, внутренне. В условиях тоталитаризма подлинная философия как бы уходит в подполье, чтобы не быть окончательно уничтоженной.

Но и тоталитарные режимы, чтобы придать своему облику “человеческое лицо” хотя бы для внешнего мира, вынуждены искать те или иные обоснования, то или иное оправдание своего

существования. И они обращаются к одной из соответствующих философских систем, точнее, философских доктрин, претендующих на абсолютную истинность, которая становится официальной. И эта загнанная в политические и духовные тиски, выхолощенная "философия" тужится доказать то, что ей предписано, выполнить не социальный, а политический заказ. Ситуация мучительная, постыдная для философии, особенно, когда люди, называющие себя философами, с радостью предлагают себя на роль служителей власти, все равно какой – настоящей или грядущей. Не спасают положение выдвигаемые для самооправдания тезисы о существовании некой "идеологической" функции философии, о том, что философия всегда так или иначе выполняет регулирующую роль в обществе, что философские положения всегда трансформируются в идеологические принципы. Все это в корне неверно. Не философия призвана обосновывать идеологию, именно идеология ищет поддержку, свое оправдание в философских системах, без философии идеология существовать не может, иначе она потеряет свою духовную опору. Философия же может существовать и без идеологии. Философия – самодостаточна, ее задача – объяснить человеку мир, в котором он живет. Она ни перед кем не расшаркивается, не ожидает рукоплесканий от политических и социальных группировок, она выше политических разборок.

Остается ответить еще на один вопрос: почему бы в эпоху распространения рационального миропонимания не предложить обществу научную картину социального мира, научные принципы социального устройства? Почему бы не сконструировать некую социальную "технология" (мечта позитивистов), формулирующую единые цели и способы их достижения? Ведь одна из задач технологии – соединение людей в работоспособную группу на основе общности целей и регламентации деятельности. И все бы это на солидной основе достижений естественных и социальных наук...

Но создание жизнеспособной общности людей, связанных не условиями работы, а условиями повседневного существования, на основе науки невозможно – из-за специфики самой науки. Ее цель – получение истинного знания; результаты науки общезначимы, объективны, они не зависят от интересов и пристрастий тех или иных социальных групп и индивидов. Например, закон всемирного тяготения не имеет классовой, национальной или возрастной интерпретации, наука объясняет мир – и только. Разумеется, и идеология всегда стремится объяснить существующее положение дел, но в то же время она выражает социально-групповые интересы, защищает и обосновывает их и на этой основе проектирует новую социальную реальность. Идеология – это не только проект будущего, но и определенная программа его реализации. Наука же не может быть руководством к действиям, силой, объединяющей людей в их социальном творчестве, ибо самые строгие научные результаты и научные факты, даже факты человеческой истории интерпретируются в зависимости от социальных и политических пристрастий (сравнить хотя бы оценки деятельности Петра Первого западниками и славянофилами). К тому же, о каком единстве в понимании будущего может идти речь, если его нет в отношении прошлого и настоящего?

С другой стороны, наука – форма рационального освоения мира, одна из ее задач – выявление и описание причинно-следственных связей. В общественном же развитии всегда присутствует определенный элемент иррациональности, не все в общественной жизни логически выводимо. Вспомним: "Умом Россию не понять...". В идеологии весьма важно не просто вскрыть, например, социальные язвы, не просто выразить чьи-то интересы, а как вскрыть, как выразить. Идеологические построения завоевывают влияние часто благодаря способности вызвать доверие (человек не может жить без веры), благодаря эмоциональной выразительности, даже – нелогичности. Один скандально известный политический деятель нашего времени обещал слушателям, что после его победы на выборах каждая женщина получит по мужчине, а водка будет стоить дешевле, чем при социализме. Глупо? Ведь из биологии известно, что в любой популяции живых существ особей женского рода больше, чем мужского, а у людей – представительниц "прекрасного" пола больше, чем "сильного". Известно из экономики, что цены имеют тенденцию к росту, а не снижению. Но... верят и голосуют. "Я так обманываться рад!" О какой науке можно говорить, когда играют на самых тонких струнах человеческой души, когда кто-то угадал самые глубокие ваши интересы. В идеологическом взаимодействии людей истина никогда не бывает дороже друга Платона; друг, дружба всегда дороже истины, а мать и отец превыше любого "единственно верного" учения.

Может возникнуть вопрос: как же быть с объединяющей ролью идеологии, если, сколько людей, – столько и мнений? Действительно, многообразие идеологических течений выражает реальную социальную и политическую структуру общества. Но в каждый момент времени объединяющую роль играет только одна идеологическая концепция, которую общество выбирает (бывает, правда, что она и насаждается силой). Общество выбирает общие "правила игры", которые будут действовать определенное время. Важно отметить, что не всегда эти "правила игры" выбираются большинством, бывает – меньшинством. Но это ничего не меняет по сути. Это означает только то, что оставшееся большинство безразлично, не видит реального выбора (в США идеологические программы республиканцев и демократов в принципе одинаковы), или оно готово, подобно быдлу, идти, куда поведут, или оно действует по принципу: "Чума на оба ваши дома!" (возможны и другие варианты).

Так или иначе, но после того, как конкретная идеологическая концепция принимается обществом, после того, как конкретная социальная группа (или ее представители) получает вотум доверия и властные

полномочия, и начинается формирование реального механизма объединения людей, механизма социального регулирования, то есть системы правовых принципов и социальных институтов, призванных на практике реализовывать выбранный образ жизни. Общество защищается от саморазрушения не только силой духовного убеждения, но и силой убеждения материального, иначе – силой законодательной и исполнительной власти. Но это не значит, что идеологическая жизнь в обществе прекращается. Социально активные группы населения, чьи притязания на власть не были поддержаны, продолжают вести борьбу за умы людей. Их подогревает надежда на то, что в следующей ситуации выбора общество захочет "играть" по их правилам, то есть победит их идеология.

Резюмируем сказанное. В дофилософских формах мировоззрения их познавательные и регулятивные функции были неразрывны. И миф, и религия были одновременно и формами познания, точнее, миропонимания, и формами регулирования социальной деятельности людей. Но в философском, рациональном мировоззрении ситуация меняется. Ни философия, ни наука не обладают для этого средствами влияния на людей, кроме теоретической аргументации. Но главное, ни философия, ни наука по природе своей не могут служить реальным социальным "цементом". Общество, построенное на философских идеалах, будет представлять из себя конгломерат абсолютно самобытных, самостоятельных, самовыражающихся людей, преследующих только собственные цели. Общество, построенное на идеалах научности, явит собой абсолютную одинаковость, такой монолит, в котором будет уничтожена всякая индивидуальность, всякая неповторимость людей. И то, и другое реально неосуществимо. Социуму необходим иной способ освоения социального мира – идеология.

Философия и тоталитарная идеология

Понятие "идеология" появилось во Французской философии периода Великой революции и обозначало, согласно Дестюту де Траси и Кабанису, метод установления практических правил воспитания посредством точного познания физиологической и психической организации человека и физического мира. В последующее время этим понятием часто обозначали всю совокупность мышления людей.

Маркс и Энгельс придали понятию "идеология" новое значение. Они назвали идеологией совокупность идей, оторвавшихся от материальной действительности и вообразивших себя независимыми сущностями, развивающимися из самих себя и подчиняющимися своим собственным законам. Подобные идеи, по мнению основоположников марксизма, порождаются строем, основанным на эксплуатации. Господствующим классам, обладающим монополией на умственную деятельность, выгодно провозглашать независимость идей от материальной действительности. Революционному пролетариату необходимо освободиться от идеологических извращений и обрести научное мировоззрение.

Теоретики большевизма не отказались от понятия идеологии, распространив его на собственное учение. Содержание этого понятия изменилось. Идеологией стали называть систему взглядов (экономических, политических, нравственных, художественных, философских, религиозных и др.), в которых осознается и оценивается отношение людей к действительности с позиции социальных (классовых, национальных, групповых) интересов. Каждый класс, побуждаемый необходимостью борьбы с другими, создает собственную идеологию. Идеологии, естественно, не равны. Одни из них отражают интересы прогрессивных классов, другие – реакционных. Пролетарская идеология, по оценке ее создателей, является "научной" и этим отличается от буржуазной и мелкобуржуазной.

В постсоветское время после краха коммунистической утопии слово "идеология" не приобрело четкого понятийного содержания. Оно используется главным образом в политическом лексиконе либо как синоним "государственной национальной политики", либо "партийной программы", либо "мировоззрения". Неопределенность этого понятия и путаница с его употреблением порождают иллюзию идентичности понятия "философия" и "идеология". Поскольку многие политические лидеры используют социальный интерес в качестве "козырной карты" в борьбе за политическую власть, постольку возникает необходимость развести понятия идеологии и философии, чтобы показать их качественную несовместимость.

Идеология и философия близки по формальному признаку: являются системами взглядов, выражающими отношение человека к миру. На этом сходство заканчивается. По содержательной стороне и практической направленности они противоположны друг другу. Идеологиями являются те теоретические построения, которые претендуют на позитивное знание относительно путей развития общества, конструируют на этом основании идеалы совершенного общества и дают практические рекомендации по их осуществлению. Этим критериям отвечают все разновидности национал-социалистических, коммунистических, этнократических, теократических, технократических и др. утопий. Задачи философии иные. Она предостерегает от окончательных, однозначных решений, касающихся жизнедеятельности общества, считая, что идеальные общественные устройства не осуществимы в действительном мире, поскольку сущность человека трансцендентна, и поэтому его отношение к миру нельзя выразить в терминах точной науки. Философия занимается поиском исходных принципов жизнедеятельности людей (в

философии они называются онтологическими началами или основаниями бытия), способных в какой-то мере обеспечить относительную гармонию между человеком и миром. Противоположность идеологии и философии коренится в онтологических началах.

В идеологии таким началом выступает социальный интерес того или иного класса, нации, группы. Обособленный интерес, получающий статус исходного начала для теоретических построений и практических действий, незамедлительно гипертрофируется и становится не просто интересом, а интересом с заглавной буквы – Его Величеством, смотрящим свысока на другие социальные общности. Вырастающая на нем система взглядов выражает не отношение личности к миру, как это имеет место в философии, а отношение обособившейся общности к миру, живущей своим гипертрофированным интересом. Мир в такой системе взглядов представляется ее создателям разделенным на свой – хороший и чужой – плохой. Социальная общность, поверившая своим теоретикам, начинает чувствовать себя единственным достойным представителем рода человеческого и берет на себя ответственность за руководство "плохими" общностями, погрязшими в эгоизме, безответственности и корыстолюбии. По мере укрепления таких представлений появляется соблазн исправить несовершенный мир насильственными действиями и создать совершенное общество, лишённое зла.

Обожествленный социальный интерес придает идеологии партийный, узкоэгоистический характер, а попытка ее практической реализации политическими средствами заканчивается обычно кровавыми столкновениями.

Онтологические начала философского мировоззрения нейтральны к классовым и национальным интересам. Таковыми являются вода Фалеса, воздух Анаксимена, атомы Демокрита, огонь Гераклита, мировой разум Гегеля, свобода Бердяева и т.д. Мировоззренческие системы, вырастающие на таких основаниях, призваны гармонизировать отношение человека к миру и, в конечном счете, помочь ему достойно и полноценно прожить свою, к сожалению, не столь долгую жизнь. В этом заключается основной вопрос жизни, который приходится решать каждому человеку независимо от его классовой или национальной принадлежности. Философия, разумеется, не дает готовых рецептов решения этого вопроса. Она лишь намечает возможные пути к желаемой цели и предостерегает, образно говоря, о наличии подводных камней и отмелей на том или ином направлении. К числу последних относятся идеи "избранных" классов и наций, мостящих дорогу в светлое будущее силами неизбранных.

Далее. Личность в идеологии – персона "нон грата". Личный интерес, по мнению идеологов, – ничтожно малая величина в сравнении с классовым или национальным интересом. Поэтому она должна уменьшить свои амбиции и притязания, раствориться в массе и вместе со всеми в едином строю двигаться по обозначенному идеологами маршруту. Коллектив – все, личность – ничто. Независимая личность, имеющая собственный взгляд на мир, собственный выбор жизненной дороги, представляет для любой идеологии враждебный элемент, подлежащий устранению.

Для философии интересы личности на первом месте. Мировоззрение создается философом не в угоду какой-либо социальной группе (у него, конечно, имеются свои классовые и национальные симпатии, поскольку он, как и все, живет в социально неоднородном обществе), а прежде всего для себя, для собственной потребности понять мир и определить к нему свое отношение. Его мировоззрение или жизнепонимание есть духовная исповедь его интимного "я", с которой он готов поделиться со всеми, кто задумывается о смысле жизни, кто стремится проникнуть в тайны непредсказуемой стихии человеческого общежития и загадочного, вечно манящего к себе космоса. Социальная неоднородность общества является для философии естественным состоянием. Составляющие его ингредиенты (семья, сословие, класс, нация и др.), хотя и имеют общие интересы в рамках своей общности, не исключают возможности для своих членов быть личностью и ставить перед собой собственные цели. Социальный прогресс осуществляется через свободу личности, а не через принудительную нивелировку общностей и превращение их в безличные коллективы.

Важнейшим условием существования идеологии является наличие организации для распространения и закрепления ее влияния среди других групп населения, живущих собственными интересами. Поэтому идеология – это не только система взглядов (экономических, политических, нравственных и др.), но и система организованных практических действий по осуществлению этих взглядов. Наличие организации в форме партии, государства, ордена и т.д. – проявление диктаторской природы гипертрофированного социального интереса, который, стремясь к полноте своего удовлетворения, реализует его в конечном счете за счет подавления свободы личности внутри своей социальной группы, а затем других групп и общностей. История полна таких примеров.

Философия не нуждается в создании организации для распространения своих взглядов. Ее учения привлекательны сами по себе, поскольку читающая публика ищет в них ответы на сокровенные вопросы жизни, которые возникают перед каждым человеком, стремящимся прожить жизнь во всей ее полноте и обрести ясность и устойчивость в запутанном и неустойчивом существовании. Он не может не задуматься относительно своего назначения и призвания, путей, ведущих к счастью и внутренней гармонии, формирования и исправления самого себя и окружающего мира, движущих сил нравственной и культурной жизни, смерти и бессмертия, истины и заблуждения, прекрасного и безобразного, словом, над

всем тем, что лежит за пределами чувственного опыта и является предметом философской рефлексии. Ищущие осуществляют поиск по зову души в одиноком раздумье под мирный аккомпанемент шелеста страниц читаемого философского произведения и не нуждаются в подбадривании и подстегивании со стороны какой-либо организующей и направляющей силы. Философия апеллирует к этой публике и ей обязана своим существованием.

Следующей отличительной чертой идеологии является нетерпимо-враждебное отношение к другим взглядам, мировоззрениям, идеологиям. Причина этого – предвзято истолкованный социальный интерес. По мнению марксистских идеологов, не существует нейтральных, надклассовых общественных учений, в том числе философских. Любое учение имеет классовую природу и выражает классовые интересы. Пролетариат, не соглашаясь на условия эксплуатации и угнетения со стороны эксплуатирующего класса, вынужден вести с ним тотальную борьбу по всем направлениям, включая идеологическое. Отсюда, в частности, родилось представление, что история философии есть история борьбы материалистических учений с идеалистическими. Победа рабочего класса, по представлению Ленина, будет обеспечена, если материализм и атеизм примут форму воинствующего материализма и воинствующего атеизма, которые рано или поздно покончат с разного рода мировоззренческими заблуждениями, и освобожденное человечество увидит наконец мир таким, какой он есть в действительности.

Воинствующий путь борьбы с “заблуждениями и предрассудками” предполагал не только убедительную контрпропаганду, но и репрессивные политические и правовые меры. Они известны. Высылка из страны инакомыслящих (в 1922 г. на пароходе “Бургомистр Хакен” была отправлена на чужбину группа творческой интеллигенции (161 человек), среди которой находились известные философы – Бердяев, Франк, Лосский, Булгаков, Ильин, Карсавин, Сорокин, Лапшин и др.). Концлагеря и расстрелы, цензура и преподавание общественных дисциплин в школах и вузах по твердым, идеологически выверенным программам, разрушение церквей и монастырей и многое-многое другое.

Расправа большевиков с инакомыслящими философами – частный случай извечной неприязни идеологии к философии. Только та философия имеет право на существование, по мнению идеологов, которая обслуживает нужды идеологии, защищая интересы “передовых” групп, классов, наций, народов. Философия является одной из составных частей идеологии и не более. Быть служанкой идеологии – ее почетная обязанность.

Философия толерантна. Ее терпимость к иному рода взглядам является признаком уверенности в себе и осознания надежности своих собственных позиций. Они непоколебимы, ибо не связаны, в отличие от идеологии, с материальными интересами социальных групп и общностей. Для философских учений не существует “корыстных” проблем и вопросов, чтобы решать их грубой материальной силой. Поэтому они толерантны по отношению друг к другу и не испытывают чувства тесноты в неограниченном духовном пространстве. Философию можно уподобить дому, двери которого открыты для всех. Каждый входящий в него может свободно высказать свою точку зрения и подвергнуть сомнению другие. Несовпадение взглядов – нормальное явление и нормальное проявление духовной конкуренции. Свобода и сомнение – основные стихии философского мышления. Только идеологу улицы, шумливому популисту, находящемуся в социально-политическом опьянении, может казаться, что споры между материалистами и идеалистами продиктованы социальными причинами.

Любая идеология – еще один характерный штрих – претендует на объективную и абсолютную истину. Такая гносеологическая установка открыто провозглашалась марксистской идеологией. “Учение Маркса всесильно, – утверждал Ленин, – ибо оно верно”, т.е. относится к разряду объективных истин, содержание которых не зависит от познающего субъекта, человека и человечества, другими словами, учение Маркса отразило социальную действительность с исчерпывающей полнотой и не содержит в себе каких-либо заблуждений, натяжек, преувеличений.

Стремление непредвзято и без предрассудков увидеть мир таким, каким он существует сам по себе, порождается обычно гносеологическим оптимизмом и верой в триумфальный социальный прогресс. Однако, меняющиеся от века к веку природные и социальные картины мира свидетельствуют о неполноте наших знаний действительности. Подлинная объективность достигается лишь весьма приблизительно и остается для философии и науки идеалом. Претензия на исчерпывающую объективность – гносеологический мираж, хотя бы потому, что мир познается концептуально. Поскольку концепции преходящи, постольку преходящи картины мира. Кроме того, каждая концепция несет на себе неизгладимую печать личности ее автора, особенности его телесного, душевного и духовного бытия, включая и действующие в нем подсознательные силы и эмоциональные переживания.

Заявка идеологии на объективную и абсолютную истину имеет социальный подтекст. Творцы идеологий, апеллируя к массам, вынуждены считаться с расходными представлениями людей и включать в корпус идеологических построений понятные им, а потому и выигрышные положения. Так, среди широкой публики бытуют представления о реальной возможности осуществления полной социальной справедливости, совершенных общественных отношений, которые будут покоиться на истинных законах бытия. Эти представления отразило русское слово “правда”, в котором истина и справедливость находятся в нерасчлененном единстве. Реализация такой правды, как мы теперь знаем, не увенчалась успехом. И не

случайно. Она не была и не могла быть правдой всего человечества. Коммунизм (правда) – это тоска маргинальных и люмпенизированных масс по гарантированному умеренно-бедному потреблению на началах “справедливого” дележа (уровнировки) материального богатства и всех жизненных тягот.

Для философии вопрос о познаваемости мира и возможности достижения истины проблематичен. Существует множество подходов к их решению. Так, представители рационалистических направлений полагают, что мир является упорядоченным и законообразным. Человек, являясь подчиненной частью мира, в состоянии познать мир и высказать о нем истинное суждение. Истина в рационалистическом контексте понимается как соответствие знания о предметах самим предметам. Противоположное мнение высказывают представители иррационалистических направлений: мир неупорядочен, незакономерен, хаотичен, незамкнут и подвластен случаю. Такое представление о мире дает человеку возможность проявлять свою свободу, творчество и экспериментирование. Истинными суждениями являются те, которые обеспечивают успешность, плодотворность человеческой деятельности по упорядочению действительности. Оба подхода, исходящие из разных начал (“мир упорядочен” и “мир неупорядочен”), по-своему правомерны. Убедительнейший пример упорядоченности – законы природы (особенно отчетливо выявляющиеся в константах), естественный порядок в том виде, как он воплощается в организмах, и т.д. Однако, рационалисты не объясняют, почему мир упорядочен, закономерен и почему он существует. Примером неупорядоченности является иррациональность, запутанность и неустойчивость человеческой жизни, которую постоянно приходится преодолевать человеку путем установления правовых, политических, нравственных и др. норм поведения во всех областях жизнедеятельности. Вопрос - почему мир иррационален и почему он есть? - и здесь остается без ответа.

Существование различных решений проблемы познаваемости мира и проблемы истины исключает претензию какого-либо философского направления на объективную и абсолютную истину. Названные проблемы могут казаться разрешимыми, напомним еще раз, лишь непросвещенной публике и ее идеологам, видящим мир через узкую щель гипертрофированного социального интереса, который упрощает и огрубляет его. Для философского мировоззрения мир всегда остается богаче, чем наши представления о нем.

Сравнение философии с идеологией – не в пользу последней. Гипертрофированные социальные интересы в качестве исходных принципов идеологии узки, корыстны и не дотягивают до всеобщности философских. Практическая реализация их приводит к тягчайшим последствиям: растворение индивида в массе, уничтожение личности, насилие, принудительный труд, железная дисциплина, отсутствие инакомыслия, тотальная власть государства и др. Идеологии антигуманны, ибо игнорируют основной мотив деятельности человека – личный интерес. Поскольку общество, отмечал Аристотель, по своей природе состоит из разнородных элементов, то их слияние, чрезмерное единение ведет к упадку, как замена симфонии одной нотой кладет конец музыке.

Как ни грустно отметить, но время тоталитарных идеологий не прошло и, по-видимому, никогда не пройдет. В любую эпоху и в любом самом просвещенном обществе находится достаточно большое количество людей, нуждающихся в доступных и простых объяснениях общественной и личной жизни, людей, по мнению которых философские интерпретации мира вызываются не столько его сложностью и парадоксальностью, сколько игрой нездорового воображения интеллектуалов. Таким людям импонируют упрощенные схемы идеологов и завораживающие своей наивной простотой предлагаемые ими практические решения, многие из которых (“ликвидировать кулачество как класс”, “окончательно решить еврейский вопрос” и др.) оказались преступными.

Философия смысла жизни

Непреложный факт – отсутствие проторенной дороги в будущее. Ни разум, ни интуиция, ни инстинкт не способны пробиться за завесу будущего. Мы идем вперед в полутьме, ощупью, при слабом мерцании фонарей, находящихся позади нас на замощенном участке дороги, замощенной радостями и страданиями, надеждами и разочарованиями ушедших поколений. Свет прошлого опыта и прошлых учений недостаточно ярок, чтобы нам, живущим, уверенно двигаться вперед. Одних неизвестность пугает и приводит в уныние, других заряжает энергией, вызывая у них радостно-щемящее чувство свободы, какое испытывают первопроходцы. И первые, и вторые – “пессимисты” и “оптимисты”, по-своему помышляя и действуя, вместе мостят дорогу жизни, и каждый пройденный ее участок – незавершенное творение, способное вызвать о себе ностальгию у следующих поколений, а у самих участников – чувство неудовлетворенности и горечи. Предсказать новые изгибы дороги и наполнить их конкретным содержанием так же невозможно, как предсказать появление новых имен и творений в живописи, музыке, поэзии, науке, философии. Жизнь – творчество, и в этом ее непреходящая прелесть.

Неизвестность будущего – не более чем неудобство, с которым приходится мириться. Оно неизвестно нам не по причине ограниченности разума, а в силу того, что жизнь людей объективно не имеет

конечной цели и смысла. Существование человека в этом отношении не предпочтительнее существования галактики, или амебы. У всего существующего одна участь: рождение, созревание, расцвет, увядание, смерть. Вечный круговорот ни для чего. Единственное отличие человека от всего остального – знание о своем существовании и желание прожить жизнь счастливо, находясь в гармонии с самим собой и миром. Однако, в каждый данный момент он не удовлетворен достигнутым и удовлетворение переносит на будущее.

Отложенный спрос на полноту жизни как результат неосуществленной на сегодня надежды принимает нередко формы "великих целей" и "светлых идеалов", как будто бы реально существующих за далью горизонта и вполне достижимых. Фантазии, иллюзии – необходимый компонент любого творчества, в том числе творчества жизни. Они способны заморозить, поднять людей на борьбу и подвиги, но опережающе-отражательная способность их ничтожна. "Светлые идеалы" – это экстраполяция идеализированного прошлого на день грядущий. Будущая жизнь, когда она наступит, станет иной, с другими запросами и надеждами. Прошлое не возвращается, кроме как в памяти.

Дорога жизни... Необозримая людская масса, преодолевая естественно возникающие в процессе совместной жизни конфликты и противоречия (конкуренция за полноту удовлетворения материальных потребностей – жить не хуже других, жить лучше, политические амбиции и пристрастия, национальные и этнические ожидания и раздоры, семейные неурядицы и пр.) и создавая новые, упорно движется от неразгаданного и таинственного прошлого в непонятное и темное будущее, не имея общего плана движения и общего руководства. Одни колонны, соблюдая порядок, идут бодрой поступью, уверенно смотря вперед, другие бредут усталой походкой, не веря в свои силы и находясь во власти апатии.

Около таких колонн на обочине дороги, почуяв запах тлена и разложения, появляются юркие провидцы и спасители. Они обращаются к уставшим: "Люди, мы жили не так и поклонялись ложным богам. Я вижу вдали великую цель, светлое будущее. Два-три мощных броска, и мы достигнем цели. Для этого надо..." (далее следует 1001-й рецепт спасения гибнущего рода человеческого). И вот народ, воодушевленный очередной идеей и объявивший ее создателя гением человечества, по прошествии некоторого времени обнаруживает, что великая цель не приближается, а блекнет и исчезает. И так повторяется из века в век с удивительным постоянством: одни вдохновенно вещают, другие трепетно, по-детски внимают – парадокс и загадка человеческих взаимоотношений.

Для размышляющего, ищущего человека не существует заведомо правильных ответов ни на вечные вопросы бытия: зачем живем и чем оправдать свое существование, ни на текущие: как удержать в узде бушующие экономические силы и взрывную энергию социума – словом, все вопросы, относящиеся к самому человеку, остаются открытыми.

Поэтому основной вопрос жизни – как достойно, полноценно, одухотворенно, счастливо прожить короткий временной промежуток между рождением и смертью, а точнее, период зрелости и самостоятельности, решается индивидуально, и каждый сам перед самим собой несет ответственность за полноту и счастье прожитых лет. Правила жизни, которым следует здравомыслящий человек (не кради, не убей, чти старших, не ищи врагов, не вини других в своих бедах, умеи спрашивать себя: почему я думаю и поступаю так, а другие иначе и др.), – всего лишь, образно говоря, направляющие рельсовые дорожки, а каких высот достигнет ракета, где он обретет счастье, – область творчества.

Жизнь между тем продолжается. Вселенский насос жизни и смерти безостановочно перекачивает неживое в живое, живое в неживое. Одни поколения сменяют другие. А над дорогой жизни по-прежнему, как стая крикливых ворон, кружат и кружат разного рода спасители и пророки – привычный дорожный пейзаж.

Философия судьбы

Судьба – таинственное загадочное слово, вызывающее чувство тревоги, а порою безысходности, страха перед неведомой силой, обладающей способностью создавать непредсказуемую стихию обстоятельств и погружать в ее объятия праведных и неправедных, виновных и безвинных без надежды на спасение. Все, что совершается помимо нашей воли, случайно и неожиданно, вопреки ожиданиям, независимо от нравственных и умственных достоинств привычно именуется судьбой.

История философии и житейского миропонимания богата различными толкованиями судьбы. За каждым толкованием выстраивается определенный порядок мыслей, чувств, предчувствий и поступков. Согласно распространенному в прошлом, да еще и сегодня, представлению сущность судьбы состоит в том, что она является враждебной, темной, угрожающей, уничтожающей силой, которая существует сама по себе и предопределяет ход жизни человека и общества по каким-то своим законам, постичь которые слабый человеческий разум не в состоянии. Нетрудно видеть, что судьба в таком понимании чем-то похожа на человека, который небезгрешен, бывает злым, способным совершать необъяснимые поступки, а некоторые представители рода человеческого становятся кровожадными извергами.

Такое представление о судьбе зародилось в период стадного сознания, делившего общинный мир на свой и чужой. “Свой” воспринимался как добрый и предсказуемый, что являлось отражением взаимопринадлежности родственников, находившихся в одинаковых условиях, близких по духу, языку, одежде, обычаям; “чужой” – как злой, непредсказуемый, страшный и враждебный, предопределяющий беды и несчастья первого. Такой же судьбоносной воспринималась природа и ее грозные стихии, вызывающие геофизические и климатические катаклизмы.

Названное противопоставление (свой – чужой) естественно для сознания архаического человека, а в дальнейшем для сознания, ориентированного на сословную и классовую изолированность, национальную обособленность. Каждая общность наделяла себя положительными качествами, а другие – отрицательными. Внутри общностей нивелировалось индивидуальное бытие, личностное восприятие мира и ответственность человека за свои поступки и действия. Военно-патриархальные формы власти (деспотии, монархии, империи) являлись замыкающим звеном, властным обручем стадно-коллективистского сознания. Внутренняя и внешняя несвобода предрасполагала к покорности и порождала веру во всемогущество судьбы. Она выступала то в образе Мойры, Тюхе, Ате, Адрастеи и др. – греческих богинь судьбы, исполнительниц слепой необходимости, то как фатум – воля верховного мироправителя Юпитера, то как божественное провидение, управляющее мировыми событиями – в христианском мироучении, то в форме империалистических или плутократических врагов – в коммунистической и нацистской идеологии.

Со становлением гражданского общества, в котором личностное начало превалирует над коллективным, слово “враг” утрачивает демонический смысл и заменяется словом “другой” (индивидуальный, свободный, независимый), представления о судьбе изменились. Современные мыслители, не отрицая предопределенности событий и поступков, – неизменной “константы” любого понимания судьбы – связывают ее с внутренним миром человека, взаимодействием бессознательного и сознательного.

Окружающий человека природный мир (мегамир, макромир, микромир) является бессознательным и следовательно абсолютно безразличным и равнодушным по отношению к нему. Он не знает о нашем существовании, как и о своем собственном. Мир просто существует. Мы включены в этот мир и испытываем на себе его механические, магнитные и др. воздействия не в меньшей и не в большей мере, чем другие неживые и живые образования. Эти воздействия не добры и не злы. Молния, убивающая человека или зверя, комета, взрывающая планету, которая могла бы еще долго существовать, не питают к ним никакого зла. В ходе всеобщего и вечного взаимодействия гибнут галактики, звезды, живые организмы и разумные существа. Одни исчезают по старости, изношенности, в срок, другие – досрочно. За первых “ответственен” упорядоченный, законосообразный мир, за вторых – неупорядоченный. “Космос” как упорядоченное начало и “хаос” как его противоположность – две составляющие внутренней организации вселенского бытия. Какая из сторон является преобладающей или обе равновелики, остается неясным. Скорее имеет место последнее. В таком случае досрочную гибель физических образований, как следствие состояния неопределенности между порядком и беспорядком, можно назвать физической судьбой.

Сказанное полностью относится к человеку как к физическому телу. Элементарные частицы, атомы, молекулы, радикалы, составляющие тело, не знают о его человеческом существовании, индифферентны к его радостям и невзгодам и никак не реагируют на его экономическое, политическое, нравственное и др. поведение. “Злые” и “добрые” атомы – не более чем плод поэтического воображения. Наша телесная оболочка – случайный для них приют. Оказавшись в другом месте, они не почувствуют дискомфорта. Им не холодно, не жарко, не больно. Они просто существуют. Разрушение какой-то части физических ингредиентов тела под воздействием нестабильности внешней среды предопределяет преждевременный износ биологических структур. Преждевременная смерть по этой причине – судьба.

Самым ближайшим соучастником жизни человека является его живое тело с инстинктами питания, безопасности и продолжения рода в их различном проявлении: чувством голода и сытости, страха и агрессивности, воли и апатии, сексуального удовольствия и пресыщенности, ревности и равнодушия, тоски и одиночества и т.д. – словом, всего того, что обозначают “томлением” плоти. Отсутствие пищи, тепла, безопасности, противоположного пола ведет его к гибели. Как будут удовлетворяться эти нужды, плоть не интересуется. Инстинкты человека, как и животного, не содержат в себе никаких нравственных установок или каких-либо программ на предмет согласования своих нужд с нуждами других людей. Они также индифферентны и равнодушны к нравственной жизни, как атомы и галактики. Это наглядно видно, когда мы остаемся с ними один на один, когда отпадает необходимость корректировать свои поступки с поступками других. В туалетной комнате, спальне, ванной и в любом безлюдном месте человек свободен от соблюдения правил приличия. В это время живая плоть “говорит” на своем собственном откровенном “языке”. Ей неведом стыд и угрызения совести.

Нейтральное примирительное отношение человека к позовам плоти, которое возникает в позиции *tete a tete*, заканчивается за порогом дома. Добропорядочные отношения между людьми возможны при жестком соблюдении одного условия – позы плоти должны находиться в “наморднике”. Его роль выполняют нравственные и правовые нормы, при соблюдении которых обеспечивается безопасность общения и сохранение рода. При несоблюдении их появляется звероподобное существо, точнее,

человекоподобное (звери ведут себя “корректно” с представителями собственного рода и вида), у которого бешеная неутолимая злоба соединяется с корыстолюбием и мелочной грязной жадностью, трусость с непреодолимым стремлением к подлости, с бескорыстным желанием навредить, напакостить, а его сексуальный позыв не признает ни родственных, ни возрастных, ни половых различий. Безнравственное существо является не более чем живой плотью. В союзе с разумом она во сто крат увеличивает свою мощь – и нет конца воровству, разбою, насилию. Вовремя обнаружить и поостеречься нелюдей трудно, поскольку они выступают в облики человека, маскируются под него и соблюдают внешние формы нравственного поведения, находясь в общественных местах. Они живут рядом. Места их промысла – все структуры общественной пирамиды от основания до верха. Поэтому невозможно предугадать, кто, когда, где станет жертвой вора, насильника, убийцы – все это во власти плотской судьбы. Разгул распясавшейся плоти – проявление живого хаоса, живой бессмысленности, вторгающейся в нравственно организованный мир и предопределяющей преждевременные смерти и несчастья.

Исчезновение этой породы неудавшихся людей в обозримом будущем маловероятно. Ни рост материальной обеспеченности, ни развитие духовной культуры не ведут к заметному уменьшению человекоподобных. Количественное колебание этой генерации носит “сезонный” характер. В кризисных ситуациях при недееспособной власти их становится несколько больше, а в других условиях – несколько меньше. Они рекрутируются как из неблагополучных семей (яблоко от яблони недалеко падает), так и благополучных. В рядах армии нелюдей достаточное количество умных, изобретательных, а также недалеких и профанов, как и в порядочном обществе. Это обстоятельство ставит под сомнение всеилие разума, который может выступать как пособником и организатором плотских вожделений в самом дурном их проявлении, так и союзником нравственного поведения. Метания плоти и лукавство разума неисповедимы.

Непредвиденные последствия обуславливаются не только поведением человекоподобных. Добропорядочная публика, способная контролировать позывы плоти, тоже вносит свой вклад в этот процесс. Решая основную жизненно важную задачу – прожить жизнь достойно, творчески, осмысленно, свободно, счастливо, люди стремятся обрести научно-обоснованные программы ее решения. Но таких научных рецептов не существует. Попытки их создания (Программа КПСС о построении коммунизма к 1980 году) всегда оказываются несостоятельными. Происходит это не потому, что не находится талантливых умов и волевых организаторов, и не потому, что наскоро созданным планам мешают происки врагов, и не потому, что массы не способны проникнуться величием поставленных задач. Дело в другом – не существует всеобщих законов развития общества. Ссылка на законы материалистической диалектики, которые якобы действуют в природе, обществе и мышлении, не убедительна, хотя бы потому, что им противостоят другие мнения и подходы не менее содержательные, чем первые.

Не приходится сомневаться в существовании физических, химических, экономических, языковедческих и др. законов, действующих в отдельных областях природы и общества. Что касается общих законов развития общества, то философы, занимающиеся изучением отношения человека к миру, не обнаружили ни одного. В обществе скорее действуют не законы, а запреты-разрешения типа: “монополия – плохо, конкуренция – хорошо”, “госсобственность – плохо, частная – хорошо”, “деспотизм – плохо, демократия – хорошо” и т.д. Однако, при определенных условиях “хорошо” и “плохо” могут поменяться местами. Так, в случае резкого снижения материального благосостояния по каким-либо причинам природного или социального порядка и необходимости введения нормированного потребления, чтобы избежать всеобщего хаоса, единоличный правитель может оказаться более решительным и полнее выразить властную целесообразность чем демократически избранный президент.

В своем движении к “светлому” будущему люди руководствуются не законами из отдельных сфер общественной жизни (они не указывают общей перспективы развития), а разноплановым опытом прошлого и наиболее популярными, кажущимися значимыми в определенное время мировоззренческими концепциями (философскими, религиозными, идеологическими, житейскими и т.д.). Однако, эти “прожектора” не высвечивают далее. По каждой проблеме они дают противоположные ответы, которые носят гипотетический характер. Каждая концепция видит мир по-своему и требует иного отношения к нему, иных действий и поступков. Их разноголосие как раз и служит доказательством отсутствия тайны бытия как некоторой самостоятельной изначальной сущности (закона), задающей алгоритм жизнедеятельности общества. Иначе говоря, тайна бытия, как это ни парадоксально, состоит в отсутствии тайны.

Такое состояние означает, что непонимание и столкновения между людьми как внутри различных общностей (клановых, кастовых, сословных, классовых, национальных, групповых и подгрупповых), так и между ними, каждая из которых руководствуется какой-либо близкой ее сердцу концепцией (националистической, классовой, религиозной, технократической и т.д.), неизбежны, как и неизбежно вследствие этого появление неожиданных обстоятельств, нарушающих или взрывающих привычное, более или менее устоявшееся течение жизни. Всем еще памяты события второй мировой войны и противоборство двух идеологий – нацистской и коммунистической. Обе отталкивались от Дарвина и Маркса, по-своему истолковав их взгляды. Идеологи нацизма, механически перенеся на общество дарвиновскую теорию борьбы видов, считали, что войны между “расово-полноценными” и

“неполноценными” народами за передел жизненного пространства приведут к созданию элитной общности, в которой даже самый последний соплеменник найдет понимание, равенство, справедливость. Коммунистическая идеология провозгласила исторической необходимостью войну бедных против богатых, эксплуатируемых против эксплуататоров, которая должна была по мере ликвидации “классово-чуждых” элементов завершиться построением мировой коммунистической системы. Обе идеологии очаровывали массы будущим изобильно-сытым существованием: первые за счет “неполноценных народов”, вторые за счет экспроприации экспроприаторов. Практическое претворение этих идеологий предопределило неурочную смерть и неоправданные страдания миллионов и миллионов людей. Одни погибли в концлагерях, другие – на полях сражений. Так вершится социальная межчеловеческая судьба.

Этот пример говорит, что из всех мировоззренческих построений самыми судьбоносными являются идеологические. Каждая идеология оставляет за собой кровавый след. Идеологи, заблуждаясь сами и вводя в заблуждение других, изуверски умело обыгрывают два естественных для жизни явления: обычное недовольство людей своим сегодняшним существованием и принадлежность их к той или иной социальной общности. Люди действительно постоянно всем недовольны: низкой зарплатой, высокими ценами, плохим жильем, соседями и т.д. – недовольство не имеет пределов. Как думает большинство, у них не жизнь, а ее подобие, жалкий суррогат. Недовольство заставляет их заглядывать за забор своей общности и сравнивать свой уровень благополучия с уровнем других. Одни завидуют процветающим, другие свысока посматривают на отстающих, процветающие объясняют свое положение умением работать и быть организованными, отстающие – жульничеством, разбоем, угнетением со стороны первых. В сознании многих постоянно живет смутное представление о реальной возможности достижения полноценной жизни с высоким уровнем потребления, высоконравственным поведением всех сограждан, умными, дальновидными государственными правителями и пр. Все это не более чем навязчивое представление. История не знает ни одного примера осуществления таких надежд. Ни в одной развитой стране с сильной экономикой и стабильным правительством количество недовольных жизнью не уменьшается. Недовольство следует признать за нормальное, здоровое состояние, неустанно подталкивающее все институты общества к совершенствованию.

Ситуация резко меняется, когда недовольство соединяется с желанием немедленно, решительно и, не считаясь ни с чем, реализовать полноту жизни и сделать всех счастливыми, и когда первое и второе захватывает помыслы значительной части людей. Эта ситуация создает благоприятную обстановку для появления социальных иллюзионистов – вождей, пророков, спасителей. Их отличительная особенность – претензия на “знание” правды и истины в полном объеме. Двух спасителей человечество долго не забудет. Одному из них “правильная, научно выверенная” дорога в солнечное будущее пригрезилась в полутьме шалаша, другому – в полумраке мюнхенской пивной.

К числу несудьбоносных мировоззренческих построений относятся философия и искусство. И не потому, что они “на короткой ноге” с истиной. Мудрость и красота бескорыстны и толерантны. Их репутация не запятнана ни одним кровавым конфликтом. Философия и идеология занимают в мире идей противоположные полюса. Первая служит духу, вторая – брюху. Дух, как единство мудрости, красоты, совести, осознающий необходимость нравственного сохранения и процветания рода, и глухая чувственно-алкающая плоть, живущая сиюминутными удовольствиями, – две стороны вечно неудовлетворенного, мятущегося человека. Находясь между собой в постоянном разладе, они являются в конечном счете источником его успехов и бед, взлетов и падений.

Человеку не дано предвидеть всех последствий своей многогранной деятельности и он оказывается во многих случаях во власти неожиданного, неучтенного, т.е. во власти судьбы, предопределенного. В ней нет ничего загадочного, а тем более потустороннего, Она – обычный продукт жизнедеятельности людей. Пройдет время, появятся новые взгляды и учения, которые будут столь же разноплановыми, несхожими, как нынешние и прошлые. И все повторится: радости и горе, ожидание и разочарование, стабильность и катастрофы, но в новых формах, с новыми людьми. Если бы общественная жизнь была подчинена всеобщим законам, то поведение людей было бы жестко запрограммированным. Последствия каждого поступка стали бы известны до его свершения, как известны дни и минуты солнечных и лунных затмений. В таком случае, к примеру, “народные заступники” из числа российской интеллигенции второй половины XIX и начала XX вв. могли бы знать, чем закончатся их “хождения в народ” и страстные призывы к революции (“буря бы грянула что ли, чаша с краями полна”). Этого не дано. И судьба собирает свою кровавую жатву. Одно поколение закладывает и предопределяет события, беды и несчастья другому, еще не родившемуся.

Судьбой можно назвать те неожиданные, непредсказуемые последствия, источником которых является прошлая эмпирически-поисковая деятельность. Такие последствия, возможно, не вызывали бы особого интереса (счастливая судьба), если бы какая-то часть их не становилась трагическими. Последние суть итог предшествующего преступного поведения определенной категории людей, которая преследует корыстные цели и стремится путем силового перераспределения материальных благ (этим собственно занимаются все человекоподобные, начиная от воров и кончая идеологами) ублажить свою плоть. Однако, не будем повторяться. О судьбоносных факторах было уже сказано. Но есть и другие, связанные с

неповторимыми особенностями каждого человека. Пусть каждый заглянет в омут своей души и прежде, чем что-либо сделать, задаст себе вопрос: а чем это кончится и кончится ли благополучно. "Благое пожелание" – скажут скептики. Но рассчитывать на большее не приходится. Разум и интуиция не всемогущи. Судьба – свидетельство их ограниченности.

Философия как любовь к мудрости

Слова "философия" и "философ" своим появлением в греческом языке, из которого они перешли в языки других народов, обязаны Пифагору. Именно он два с половиной тысячелетия назад впервые назвал себя философом, то есть любителем мудрости. Соответственно, процесс постижения мудрости, стремление к ней получил название "философия".

С тех пор неоднократно возникали споры о том, что из себя представляет философия как вид духовной деятельности, какую роль она призвана играть в жизни общества и отдельного человека. Диапазон мнений предельно широк: от вознесения философии на престол в качестве царицы наук до призывов "вышвырнуть за борт" (встречалось и такое на заре советской власти). Сама философия в разные времена понималась то как универсальное знание о мире в целом, то как всеобщий метод познания, то как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, то как наука о мышлении. А ведь, следует заметить, в эпоху зарождения современной цивилизации слов все не употребляли, и если уж новую (для античности) форму духовного освоения действительности назвали "стремлением к мудрости", а не "стремлением к знанию", "стремлением к истине" и т.п., – значит, в это изначально был заложен какой-то глубокий смысл, определяющий характер философского отношения к окружающему человеку миру.

"Мудрость", "мудрец" – эти слова вызывают в обыденном сознании образ прожившего долгую жизнь человека, знающего ответы на все жизненные вопросы, спокойно, взвешенно и несколько отстраненно взирающего на мир (для полноты образа можно добавить бородку клинышком и ермолку; к слову, именно ермолку дарит булгаковская Маргарита Мастеру как символ его мудрости). Что в этом образе от действительного смысла этих слов, а что от нашего благоговейного отношения к ним? И действительно ли необходимо дожить до преклонных лет, чтобы приобщиться к мудрости? Тогда не является ли философия уделом стариков, и к чему тогда морочить головы молодежи призывами к изучению философского наследия человечества? Доживут – созреют, засядут за "премудрость скучных строк". Но почему тогда Платон настаивал на том, что философию необходимо изучать именно в молодом возрасте? Ответить на эти вопросы, понять, что такое философия, можно, очевидно, только выяснив смысл самого слова "мудрость". Удивительно, но факт: в отечественной философской литературе трудно, практически невозможно, найти определение этого понятия. Нет его в философских словарях советского периода, нет его и в учебниках по философии. Лишь в "Краткой философской энциклопедии" 1994 года в качестве определения мудрости приводится достаточно туманная фраза из работы немецкого философа Н. Гартмана. В чем тут дело? Откуда такая рассеянность? Может понимание философии как стремления к мудрости противоречило чьим-то теоретическим построениям (что, кстати, действительно имело место), а может смысл понятия "мудрость" не укладывается в прокрустово ложе строгих определений? Или и то, и другое?

Что ж, поскольку практически все философские категории берут свое начало в обыденном языке, обратимся и мы к нему. В "Толковом словаре русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой "мудрость" определяется как "глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт". То есть, мудрость предполагает обладание человеком соответствующими интеллектуальными способностями, позволяющими осмыслить происходящее вокруг. Поэтому "мудрость" – это антоним слова "глупость". Но в то же время, изощренный, отточенный ум специалиста (ученого, политика, инженера) может не иметь никакого отношения к мудрости, ибо в основе ее лежит не профессиональный, а жизненный опыт: личный, поколений, человечества. Соответственно, расширение, обогащение жизненного опыта – это ступени продвижения к мудрости. Английский философ А. Уайтхед писал, что "мудрость пропорциональна широте опыта". Опыт же каждого из нас весьма узок из-за краткости нашей жизни, ограниченности нашего личного жизненного пространства. Но его можно расширить, приобщаясь к чужому опыту, воспринимая его. Поэтому мудрость – это внимательное и терпимое отношение к чужому опыту. Отсюда следует, что "мудрость" – это не просто знание о чем-либо, не качественная характеристика человеческого ума; "мудрость" – это особого рода отношение человека к окружающим его людям, отношение, предполагающее терпимость к иному. Но "мудрость" и "толерантность" – не одно и то же. Следовательно, в понимании интересующего нас предмета необходимо идти дальше.

Согласно преданию, Пифагор учился мудрости у восточных мыслителей и, наверняка, конструируя неологизм того времени "философия", он опирался и на восточную традицию толкования мудрости. Поэтому обратимся к современному Пифагору китайскому трактату "Дао дэ цзин", посвященному нахождению гармонии человека (мудреца, причем, стоящего на вершине власти -

"совершенномудрого") и мира. Даосизм – одно из важнейших направлений философской мысли древнего востока. Основное понятие этого учения и данного трактата – "дао", неизменная причина всех изменений, основа всего, существующая во веки веков, не требующая для своего существования и объяснения ничего. "Дао" – это естественный ход вещей, естественный путь развития мира. Никто не в силах изменить "дао". Другое важное понятие – "у-вэй" ("недеяние"). "У-вэй" – не "недействие", не "ничегонеделание", а следование человеческой жизни принципам "дао", человек приходит в этот мир не для того, чтобы крушить все вокруг. "Совершенномудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; ...вызывая изменения вещей, он не осуществляет их сам; ...приводя в движение, не прилагает к этому усилий". Возможно ли такое? Да, если действовать не против естественного пути развития, а в соответствии с ним (вспомним принципы восточных единоборств, например, "айкидо"). "Недеяние", кроме того, – это не навязывание окружающим людям своих представлений, своего образа жизни: "Совершенномудрый... предоставляет народу возможность жить собственной жизнью". И еще очень важное для понимания мудрости: "Совершенномудрый... не считает правым только себя, поэтому он может обладать истиной". Но мудрость – это не отстраненное созерцание окружающего, равнодушное и беспристрастное. "Совершенномудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа... Он смотрит на народ, как на своих детей". А разве можно относиться к своим детям безучастно? Разве можно не желать им лучшей доли?

Так в восточном понимании мудрости сливаются воедино признание объективности мира, невозможности изменения вечного естественного его пути и стремление к лучшей жизни, которая достижима лишь через соответствие человеческого существования с миром, человек может "обустроить" свою жизнь, усилив или ослабив проявления "дао". Но для этого необходимо постигнуть "дао" мира и "дао" человека. Иными словами, необходимо познать и понять, что такое мир, в котором довелось жить человеку, и необходимо познать и понять самого человека.

А теперь вернемся к началам европейской философии. Она возникает в определенной степени как реакция на религиозно-мифологическое миропонимание, как стремление объяснить мир без апелляции к мистическим, сверхъестественным первоначалам и сущностям. Философия, в отличие от мифа и религии, – это дерзкая попытка поиска и обоснования возможности естественной гармонии человека и действительности. С другой стороны, коренные изменения афинского общества (появление частной собственности на землю и становление демократии) настоятельно требовали такого мировоззрения, которое было бы лишено авторитарности мифа и религии, допускало плюрализм, свободное выражение мнений, которое не могло бы быть навязано никакой другой силой, кроме силы убеждения. Сомнение в любом Абсолюте, кроме абсолютности и уникальности человеческого существования, с самого начала становится главным принципом философии. В свою очередь, сомнение предполагает анализ и критику неточностей, противоречий в существующих способах объяснения действительности. Путь к истине в философии лежит через выявление и преодоление заблуждений. Не таким ли образом философствовал, например, Сократ?

В истории человечества Сократ являет собой пример настоящего философа, человека, стремящегося к мудрости, но не обладающего ею в полной мере. Он ничуть не лукавил, говоря: "Я знаю, что я ничего не знаю". Каждый ли решится на такое признание? Сократ постоянно повторял, что он не знает окончательных ответов на те вопросы, которые он ставил перед слушателями. И приглашая их к совместным рассуждениям, он вместе с ними последовательно, шаг за шагом приходил не к постижению окончательной истины, а, скорее, к выяснению того, что не может являться всеобъемлющим ответом на конкретно заданный вопрос. Беседы Сократа – это тщательный анализ познавательных ошибок и заблуждений. Так, в платоновском диалоге под названием "Лахес" Сократ пытается определить, что такое "мужество". Размышления над предлагаемыми собеседником определениями данного понятия показывают, что ни одно из них не является полным, не выражает его сути. Оказывается, что мужество не сводимо, например, к стойкости в бою, к упорству и т.д. Так что же такое – "мужество"? В диалоге вопрос остается открытым.

Мудрый человек никогда не станет учить, а тем более, навязывать другим свои представления о том, как надо жить. Но он, исходя, хотя бы, из своего опыта, предостережет от ошибок, пояснит, как не стоит жить, чтобы не повторить его ошибки. Для этого необходимо выявить причины, основания заблуждений и ошибок, то есть опыт, как говорил Гегель, должен соединиться с размышлением. Поэтому, опираясь на все вышесказанное, можно сказать следующее: мудрость – это глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт, умеющий проанализировать его и выявить причины достижений и ошибок. И в то же время, мудрость как бы предполагает право других на собственные ошибки, то есть, на собственный опыт ("опыт – сын ошибок трудных" А.С. Пушкин). Вспомним: "Совершенномудрый не считает правым только себя". Так удалось ли древним грекам выразить названием философии ее сущность, то, ради чего она существует более двух тысячелетий? И какой от нее прок в наше время триумфа науки и техники, время "стрессов и страстей"?

Бессмысленно ожидать от философии помощи в деле поворота рек, орошения пустынь, повышения технического могущества человека. Не в этом ее предназначение. Она призвана объяснить человеку мир, в котором он живет, призвана объяснить человеку его самого. Когда-то Карл Маркс написал, что задача философии заключается не в объяснении мира, а в преобразовании его, причем,

революционном преобразовании. Нет, именно объяснение мира, объяснение человеку пределов возможного и невозможного в его неумном стремлении изменять все вокруг, разъяснение возможных негативных последствий неразумного вторжения в окружающий мир – вот главная задача философии. Слишком много различных результатов преобразования природы и общества кошмарами стоят перед нами. Революционная нетерпеливость и мудрое отношение к окружающему – "две вещи несовместные". Философия не терпит суеты, она свободна от повседневной гонки за происходящим. Поэтому она ничего не организывает, никого не призывает, никуда не направляет.

Философия по своей сути – не призыв, а предупреждение. Ни одна философская система не может исчерпывающе объяснить человеку смысл его существования, сформулировать окончательное определение счастья и т.д. Это невозможно, хотя бы потому, что для философии факт – не есть аргумент. И она исходит из того, что факт проживания одним человеком своей жизни так или эдак может ничего не значить для другого человека, проживающего свою собственную жизнь. И кто-то, взявший за образец чужой рецепт достижения полного счастья, в итоге может оказаться глубоко несчастным. Философия не рецептурна. Она не в состоянии дать исчерпывающие ответы на все вопросы, предложить однозначные решения всех стоящих перед человеком проблем, потому что каждый из нас неповторим, и в целом неповторима жизнь каждого из нас. Формулирование последних истин будет означать в таком случае попытку втиснуть бесконечное многообразие человеческих жизней и судеб в клетку мертвых схем.

Но в то же время, в работах действительно глубоких мыслителей всегда можно найти серьезный анализ того, что не соответствует представлению о достойном существовании или сосуществовании людей, что не соответствует представлению о высоком смысле человеческой жизни, что, наконец, приняв манный облик счастья, на самом деле оказывается только видимостью его.

Философия доказывает свои положения "от противного" и к положительному она ведет через выявление отрицательного. Как любое мировоззрение философия рассматривает и оценивает мир с позиций должного. Но философское должествование – это поиск разумного соответствия человеческих возможностей естественной природной и социальной необходимости. Возмнив себя венцом творения, реализуя свое безудержное стремление к самоутверждению, к свободе от всего и от всех, человек способен уничтожить основу своего существования и себя самого. Особенно в XX веке проявились эти опасные тенденции, многократно усиленные научно-техническим прогрессом. Поэтому, образно говоря, если наука и технология дают в руки человека острый топор, которым можно свалить любое дерево, то философия призывает его, прежде чем приступить к действию, оглянуться назад, на оставленную за спиной унылую вырубку, и подумать, а стоит ли дальше углубляться в лес с этим топором. Именно с этого начинается философское осмысление любых проблем.

Понимание философии как предупреждения основывается на ее стремлении к мудрости, которая, в свою очередь, вырастает из опыта человечества. А в нем больше (иначе и быть не может) неудач, провалов, "синяков и шишек". Когда Ф. Ницше устами Заратустры подвергает нещадной критике государство, "где все теряют самих себя, хорошие и дурные", он опирается на многовековой опыт народов. А этот опыт показывает, что государству безразличны судьбы конкретных людей, что оно может жить своей самодостаточной жизнью, руководствуясь собственными интересами, а не интересами людей, для защиты которых оно, вроде бы, и возникает. И, как показывает история, у руля государственной машины далеко не всегда оказываются достойнейшие. Призывает Ницше к уничтожению государства? Разумеется, нет. Но речь Заратустры "О новом кумире" – это предостережение от обольщения личностями правителей и абсолютизации роли государства в нашей жизни. Человек, надеясь на собственные силы, живи собственной жизнью, – вот лейтмотив этого фрагмента книги "Так говорил Заратустра".

Надо сказать, что в этом заключается подлинный гуманизм философии: не учить, как надо жить, не подталкивать и направлять к однозначно понятому лучшему, которое может оказаться очередной химерой (люди склонны к самообману). Предостерегать от худшего, вот стремление философии, понимаемой как любовь к мудрости. Не очень весело и оптимистично? Но еще Экклезиаст говорил, что во многих мудрости много печали. Может только тогда движение человека к нарисованному его сознанием светлому будущему может оказаться успешным, когда он предупрежден о возможных завалах и опасностях, ожидающих его на этом пути. Предупрежден, значит, – вооружен! В этом смысле поразительно точно уловил суть философии киник Диоген Синопский, который считал, что она должна закалять наши души и делать нас готовыми ко всякому повороту судьбы.

Возвращаясь же к вопросу о соотношении возраста и мудрости и опираясь на понимание философии как предостережения, можно сказать: прав был Платон, утверждавший: никогда не рано начать заниматься философией. Именно в молодом возрасте необходимо приобщаться к ней. От скольких ошибок и заблуждений могли бы быть предупреждены молодые люди, если бы они обогащали свой объективно малый жизненный опыт знакомством с совокупным опытом человечества, осмыслением которого и занимается философия. Стоит ли наступать на грабли, которые кому-то уже попадались на пути.

И последнее. Почему бы тогда не назвать философию просто мудростью, кладезем совершенной мудрости? Древние греки ответили бы так: совершенная мудрость присуща только богам, и слабый духом человек может только стремиться к ней, никогда не достигая того, что принадлежит Высшему. Мы же

объясним это по-другому. Философия потому и называется любовью, стремлением к мудрости, что сама мудрость есть идеал, манящий, но недостижимый. Ибо достижение этого идеала означало бы завершение человеческой истории. Но человек и человечество находятся в пути, и наш жизненный опыт не будет полным и завершенным, пока мы существуем. Копилка человеческой мудрости пополняется ежедневно и ежечасно.

Задачи и упражнения по философии

1. Английский философ и ученый Б. Рассел, размышляя над вопросом о специфике философии и ее месте в духовной культуре человечества, писал: "Все точное знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все догмы, поскольку они превышают точное знание, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия". Объясните смысл данного высказывания.

2. "Философия должна бросить попытки отыскания вечных истин. Ее задача – научить человека жить в неизвестности – того человека, который больше всего боится неизвестности и прячется от нее за разными догматами. Короче: задача философии не успокаивать, а смущать людей". Так считал русский философ Л. Шестов. О какой особенности философского знания здесь идет речь?

3. Чем отличается философское знание от конкретно-научного? Прокомментируйте в этой связи высказывание К. Петрова о том, что научное знание "научно постольку, поскольку в нем нет человека, его эмоций, стремлений, потребностей. Человек неустраним из предмета философии, и знание выглядит философским ровно настолько, насколько оно включает человека".

4. М. Хайдеггер: "Как обстоит дело с прогрессом в философии? Она, если не упускает из виду свою сущность, вообще, не делает шагов вперед. Она шагает на месте, осмысливая всегда то же самое". Согласны ли вы с автором?

5. Чем отличается философское мировоззрение от религиозного?

6. Может ли быть религия духовным и интеллектуальным лидером современного человечества?

7. Что вы понимаете под выражением "Путь духовного обновления"? Стоит ли такая проблема перед нашей страной?

8. Может ли современный человек относиться к мифам серьезно?

9. К. Поппер: "... В некотором смысле наука есть изобретение мифов, как и религия. Вы скажете: "Но научные мифы как-то отличаются от религиозных". Конечно, различие существует. Но в чем оно?" Дайте ответ на вопрос, поставленный К. Поппером.

10. Как, на ваш взгляд, соотносятся современная научная, философская и религиозная картины мира?

11. Л.Р. Грэхэм пишет: "Вопрос о выборе между идеализмом и материализмом – это вопрос выбора философской позиции, а не вопрос логической правильности этих позиций". Что имеет в виду автор?

12. Объясните слова Б. Паскаля "Атеизм свидетельствует о силе ума, но силе весьма ограниченной".

13. Попробуйте опровергнуть Фому Аквинского: "Все что движется, имеет причиной своего движения нечто иное... Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя – бога".

14. Почему Д. Юм считал, что не существует доказательств в пользу того, что физические объекты – это нечто большее, чем просто образы, рожденные сознанием?

15. "Мы видим, слышим, потому что думаем! Кто не думает тогда, когда видит, тот никогда не увидит того, на что смотрит!" Объясните.

16. Немецкий биолог XIX века М. Шлейден писал: "Наши представления суть свободные творения нашего духа... Мы внешний мир не воспринимаем таким, каков он есть... Ты предполагаешь, что видишь самый луч света, но то, что ты воспринимаешь, далеко не то: это только ряд пылинок... Истина о свете и красках суть волны... Между тем внешним бездушным миром (колебаниями эфира), который раскрывается нам наукой, и прекрасным (действительным, чувственным) миром, в котором мы живем духовно, органы чувств являются посредниками". Итак, с каким же миром мы непосредственно имеем дело?

17. Разъясните выражение: "Гносеологический образ – это единство объективного и субъективного".

18. "Природы внутреннюю суть

Познать бессилен ум людской.

Он счастлив, если видит путь

К знакомству с внешней скорлупой".

(И.В. Гете)

Какая философская позиция здесь представлена?

19. Почему у материалистов XVII-XVIII вв. выражения вроде: "Этот предмет синий", "вода холодная", "виноград сладкий" не считались правильными? Немецкий философ И. Кант разделял такой взгляд. Он писал: "Что комната теплая, сахар сладкий, полынь горькая – это суждения, имеющие только субъективное значение... Эти суждения выражают только отношение... к субъекту, именно ко мне, и только в моем теперешнем состоянии восприятия, и поэтому они не должны прилагаться к объекту". А ваше мнение?

20. Как вы понимаете слова Г.В. Плеханова о том, что нельзя сказать, какой цвет имеет роза, когда на нее никто не смотрит?

21. Марк Твен вспоминал: "Когда мне было 15 лет, я считал, что мой отец знает все, а я ничего; в 25 лет я находил, что знаю все, а отец мой – ничего; а когда мне стало 35 лет, я увидел, что мой отец знает кое-что". Прокомментируйте.

22. Ф. Бэкон отмечал, что "наука часто смотрит на мир взглядом, затуманенным всеми человеческими страстями". Как вы это понимаете?

23. Правильно ли утверждать: "Мир существует таким, каким я его вижу"?

24. Где раньше – в философии или в естествознании – возникли представления об относительности человеческого знания?

25. М. Волошин (поэт):
"Мир познанный
Есть искаженье мира".

Объясните смысл этих строк.

26. Можно ли понять природу сознания, изучая человеческий мозг?

27. Существуют ли границы познания мира?

28. Мыслит ли компьютер?

29. "Бог есть потому, что мы думаем о нем, любим его, верим в него, чувствуем его в себе. А вы не будете отрицать того, что мысли и ощущения предшествуют предметам, которые они отражают. Следовательно, если существует мысль о предмете, то существует и предмет мысли". Согласны ли вы с подобным рассуждением?

30. Великий сказочник Г.Х. Андерсен говорил: "Из реальности сотканы наши фантазии". Как вы это понимаете?

31. "Не всякий знает, как много надо знать, чтобы знать, как мало мы знаем". Объясните смысл этого восточного изречения.

32. Как вы понимаете высказывание Сократа: "Я знаю то, что ничего не знаю".

33. Объясните выражение А. Шопенгауэра: "Ум развивается очень рано, хотя созревает лишь позже".

34. Как вы можете объяснить слова Сенеки: "Среди множества недостатков нашей смертной природы есть и такой: ослепление ума – не только неизбежность заблуждений, но и любовь к ошибкам"?

35. Объясните слова Цицерона: "Мы должны не только копить мудрость, но и извлекать из нее пользу".

36. Как вы понимаете изречение Екклесиаста: "Лучше слышать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых"?

37. Как вы объясните афоризмы Пифагора: "Старайся прежде быть мудрым, а ученым, когда будешь иметь свободное время". "Не пекись о снискании великого знания: из всех знаний нравственная наука, может быть, есть самая нужнейшая, но ей не обучаются".

38. Как понимать вопрос, поставленный в Евангелие от Луки: "Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет"?

39. На каких христианских идеях основано следующее изречение Л.Н. Толстого: "С грехом ссорься, с грешником мирись. Ненавидь дурное в человеке, а человека люби"? Согласны ли вы с данным требованием?

40. Как понимать суждение Аристотеля: "Счастье есть благосостояние, соединенное с добродетелью"?

41. Объясните афоризм Пифагора: "Не гоняйся за счастьем: оно всегда в тебе самом".

42. Как вы понимаете изречение древнегреческого философа Эпиктета "Людей мучают не вещи, а представления о них"?

43. Как вы понимаете изречение Цицерона: "Огорчение существует не само по себе, но в нашем представлении"?

44. Прокомментируйте высказывание Л.Н. Толстого: "Если добро имеет побудительную причину, оно уже не добро; если оно имеет своим последствием награду, оно тоже не добро. Добро вне цели, причин и следствий".

45. Как вы понимаете высказывание В.О. Ключевского: "Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит; требовать благодарности – глупость; не быть благодарным – подлость".

46. Объясните слова А. Камю: "Страдание – это именно то, выше чего стать невозможно".

47. В. Паскаль: "Все тела, небесная твердь, звезды, земля и ее царства не стоят самого ничтожного из умов; ибо он знает все это и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела, вместе взятые, и все умы, взятые вместе, и все, что они сотворили, не стоят единого порыва милосердия – это явление несравненно более высокого порядка". Оцените данное высказывание.
48. Ни один человек не воспринимается окружающими одинаково. У каждой личности столько же ипостасей, сколько существует людей, вступающих с ней в общение. Объясните.
49. Как писал немецкий философ Э. Кассирер, мы не можем исследовать природу человека тем же путем, каким мы раскрываем природу физических вещей. Физические вещи можно описать в терминах их объективных свойств, тогда как человека можно описать и определить только в терминах его сознания. Попробуйте раскрыть суть данного высказывания.
50. Современный французский философ А. Глюксман полагает, что любое определение человека, даже если оно будет исправляться, уточняться, не только бессмысленно, но и заведомо вредно. Почему?
51. К. Ясперс: "Человек всегда больше того, что он знает о себе". Какие выводы отсюда следуют? Согласны ли вы с автором этих строк?
52. "Человеческое предназначение есть следующее: исполниться в качестве Человека, стать Человеком" (М. Мамардашвили). Как вы это понимаете?
53. Прокомментируйте высказывание Ф. Ницше: "Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью. В человеке ценно то, что он мост, а не цель".
54. Объясните слова Б. Паскаля "Человек не ангел и не животное, и несчастье его в том, что, чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше превращается в животное".
55. Меняется ли человек как биологический вид по мере своего интеллектуального совершенствования? Каким путем развивается его дух – к углубленному познанию мира и себя в нем или к саморазрушению?
56. "Есть ли прогресс нравственности в человеческой истории?" – спрашивал Ж.Ж. Руссо. Выскажите свою точку зрения.
57. По мнению В.О. Ключевского: "Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла". Согласны ли вы с ним?
58. Как вы понимаете слова В.С. Соловьева: "Человек должен быть нравственным свободно, это значит, что ему должна быть предоставлена и некоторая свобода быть безнравственным"?
59. Как вы понимаете высказывание Ж.-П.Сартра: "Человек осужден быть свободным. Осужден потому, что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает"?
60. Прокомментируйте мысль Ф. Ницше: "Ты называешь себя свободным. Свободным от чего, или для чего?"
61. Как соотносятся понятия "свобода выбора" и "свободный выбор"? Проанализируйте взаимосвязь понятий "свобода" и "ответственность".
62. Как понимает свободу Вольтер, рассуждая следующим образом: "Когда я могу делать то, что хочу – это значит, что я свободен, но то, что я хочу, я хочу в силу необходимости.", "Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов"?
63. Чем отличается свобода от произвола?
64. "...Ничего и никогда не было для человека и человеческого общества невыносимее свободы... нет заботы непрерывнее и мучительнее для человеке, как оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться". (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы). Как вы это понимаете?
65. Чем отличаются фатализм и волюнтаризм друг от друга и что общего между ними?
66. Неизбежное. Необходимое. Предопределенное. Фатальное. Трагичное. Являются ли данные слова синонимами? Раскройте значение каждого из них.
67. Римский император, философ Марк Аврелий говорил: "Что бы ни случилось с тобой, оно предопределено тебе из века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием". Как называется такая точка зрения?
68. "Не следует пытаться изменять обстоятельства, а лучше самому подготовить себя к любому обороту событий, как это делают моряки. Ведь они не прилагают усилия, чтобы изменить ветры или состояние морей, но готовы к тому, чтобы примениться к ним... Так и ты. Приспосабливайся к обстоятельствам (древнегреческий философ Телет). Выразите свое отношение к этой точке зрения.
69. Немецкий философ и историк XX века О. Шпенглер утверждал, что в истории человечества нет поступательного движения, а есть повторяемость и цикличность. Почему, с точки зрения многих исследователей нашего столетия, идея исторического прогресса является спорной, в то время как в XVIII веке мысль об общественном прогрессе не вызывала сомнений у большинства западноевропейских мыслителей?
70. Можно ли говорить о прогрессе в духовной жизни человека? Если да, то каковы здесь критерии?
71. Объясните слова Н.А. Бердяева: "В духе революционном никогда не бывает ни свободы, ни

братства".

72. Какой из способов общественного развития, на ваш взгляд, наиболее целесообразен: эволюционный или революционный?

73. Как вы понимаете афоризм Ф. Де Ларошфуко: "философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией"?

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци Э. Человек как предмет философии. // Вопросы философии. 1989. №2, с. 24-35.
2. Бердяев Н.А. О значении человека. М., 1993.
3. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения – философия свободного духа. М., 1994.
4. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1992.
5. Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994.
6. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
7. Кант И. Сочинения в 6-ти томах. М., 1963-1966. т.4, ч. I, II.
8. Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990.
9. Лосев А.Ф. Философия, Мифология, Культура. М., 1991.
10. Мамардашвили М.К. Философия – это сознание вслух. // Юность. 1989. №12, с. 9-13.
11. Мамардашвили М.К. О философии // Вопросы философии. 1991. №5, с. 3-10.
12. Мир философии: Книга для чтения в 2 ч. М., 1991.
13. Проблема человека в западной философии. М., 1988.
14. Розанов В.В. Уединенное. М., 1990.
15. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Санкт –Петербург. 1994.
16. Сумерки богов. М., 1989.
17. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.
18. Фрейд З. Культурная ценность религии // В кн. Религия и общество. М., 1994.
19. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
20. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопросы философии. 1993. №28, с. 113-123.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	
Сущность мировоззрения.....	
Поиски оснований бытия.....	
Обыденное (житейское) миропонимание.....	
Философия и мировоззрение личности.....	
Место морального сознания в структуре мировоззрения.....	
Мифологическая форма мировоззрения.....	
О взаимосвязи и специфике религиозного и философского мировоззрения	
Мировоззрение, философия, идеология.....	
Философия и тоталитарная идеология.....	
Философия смысла жизни.....	
Философия судьбы.....	
Философия как любовь к мудрости.....	
Задачи и упражнения по философии.....	
ЛИТЕРАТУРА.....	
СОДЕРЖАНИЕ.....	

* — Когда-то человек действительно создавал весьма наглядные конструкции, изображения мироустройства: "мировое дерево", например. В кроне этого дерева обитали небожители, ствол – сфера жизни человека и других земных существ, корни – место существования всякой нечисти и гадов подземных.